

Любовь Федоровна Воронкова

Гуси-лебеди

1. Аниска

Это было интересное зрелище. Розовый дождевой червяк высунулся на свет возле самого муравейника. Муравьи вцепились в него и начали вытаскивать из земли. Червяк, видно, почуял недоброе. Он упёрся. А потом и совсем испугался, заворочался, начал пятиться обратно в землю. Но муравьи не давали ему уйти...

Аниска сидела над ними неподвижно. Муравьи бегали по её босым ногам, но не кусались – никогда муравей не тронет Человека, если его не пугать. Изредка она поднимала ресницы, оглядывалась на густые берёзки, осыпанные острыми солнечными огоньками, на мохнатые сосенки, на коричневые иглы муравейника, тёплые и блестящие под солнцем, на цветущие лесные травы... И, улыбнувшись неизвестно чему, снова устремляла свои тёмно-серые, немножко косые глаза на червяка и муравьёв.

Низко, почти над головой, пролетела любопытная синичка. Села на куст и поглядела на Аниску сначала одним глазом, потом другим: «Что это? Человек сидит? Или так, растёт что-то?..»

Аниска улыбнулась:

– Что смотришь?

«Человек!» – в страхе чивикнула синичка и скрылась.

Аниска снова опустила глаза:

– Вытащили!

Муравьи волокли червяка к себе в муравейник. Червяк скорчился, уцепился за траву. Тогда чёрные хищники навалились на него и розняли на две половинки. Аниска, удивлённая такой свирепостью, смотрела, как они запихивали червяка в отверстия муравейника.

– Аниска, ау!

– Аниска, ты где? Ты что делаешь?!

Аниска встала. Девочки пробирались к ней сквозь кусты.

– Чего нашла? Чего нашла? – звонко и торопливо, как птица, повторяла Танюшка. – Что смотришь?

Она заглянула своими быстрыми чёрными глазами в Анискину корзинку. В корзинке топорщились сухие еловые шишки – Аниска набрала разжигать самовар.

– Ничего? А почему здесь сидишь?

Аниска помедлила – рассказать или не надо?

– Тут одна история была...

Танюшка тотчас пристала:

– Какая история? Какая? Что случилось?

Катя молча глядела на Аниску спокойными ожидающими глазами. Солнце просвечивало сквозь её белёсые волосы, торчавшие над голубой ленточкой, и голова её была похожа на пушистый одуванчик.

– Вот я видела... Отсюда червяк вылез...

– Ой! Вот так история, – закричала Танюшка, – про червяка!

– Червяк вылез. А потом? – спросила Катя.

– А потом муравьи напали, разорвали его и утащили.

– И всё?..

Аниска и сама не могла понять, почему ей так интересно было смотреть, а рассказ вышел совсем неинтересный.

– А ну-ка я сама погляжу!

Танюшка схватила рыжую сухую ветку и быстро разворошила край муравейника. Муравьи закипели-забегали, потащили куда-то свои белые коконы...

Аниска оттолкнула Танюшку, вырвала у неё ветку и забросила в чашу.

– Ты что? Драться, да?! – У Танюшки в голосе послышались слёзы. – Уж скорей драться, да?

– А ты не мучай.

– А кого я мучаю? Кого? Кого я мучаю?

– Муравьёв. Они строили, а ты ломаешь.

– Ну и сиди со своими муравьями. Косуля!.. Кать, пойдём! Пусть одна ходит!.. Косуля, Косуля!

Катя невозмутимо запела тоненьким голоском и пошла по лесу. Она не любила, когда плачут и когда ссорятся.

Аниска хмуро посмотрела им вслед. На смуглых скулах выступил румянец. Всегда так. Когда сказать нечего, так сейчас – «Косуля».

А это слово Аниске было больней всего на свете.

2. Братец Николька, с которым можно разговаривать

Мать уходила из дому и наказывала Лизе, старшей Анискиной сестре:

– Гляди за домом. Уберись в избе, подмети, посуду вымой. А перед зеркалом довольно вертеться – не доросла ещё.

– А Аниске – что?

– А ей – с Николькой сидеть.

И, уже выходя из избы, крикнула:

– Не обижайте Никольку, смотрите!

Лиза с тоской посмотрела на молочные кринки с застывшей белой кромкой по краям, на сальные чугунки, на большую плоску с остатками щей... А она только что причесалась и покрылась чистым голубым платком – можно бы и на улицу...

Она стояла возле печки и острыми мышинными глазами искоса поглядывала на Аниску. Взялась было за ухват, чтоб достать горячей воды, и снова со вздохом поглядела на Аниску:

– Может, ты вымоешь... а?

Аниска поливала свои цветы. Цветы у неё стояли на всех окнах – в горшках, в консервных банках, в кринках с отбитым горлышком.

– Мать велела тебе, – ответила Аниска, – а мне с Николькой.

– Ну, Николька-то ведь спит! А? Мне ведь на школьный участок надо! Я же платье запачкаю!..

– А ты фартук надень.

– У, Косуля! Вот сейчас побросаю все твои цветы!

Аниска растопырила руки. Ей показалось, что Лиза и вправду сейчас набросится на её горшки и плоски.

– Во! Как наседка расшиперилась! – засмеялась Лиза. – А как будто я их после разбросать не могу!

– А я матери скажу!

– Скажи. Она и сама рада будет – в избе светлей. Говори – не будешь мыть?

Аниска посмотрела на свои фуксии, «огоньки» и «крапивки» – такие они были беззащитные, словно маленькие детки! Они глядели на неё малиновыми и лиловыми глазками, словно просили не давать в обиду.

– Иди уж!..

Аниска налила в миску горячей воды и взялась за мочалку.

Лиза повеселела:

– Ты сейчас вымоешь... А я после обеда. Уж после обеда к тебе не пристану!

Она ещё раз заглянула в зеркало и проворно выскочила из избы. Лишь бы сейчас не мыть, а там видно будет!

Жаркая тишина в избе. Слабый запах цветущей сирени плывёт в открытые окна. На рябине поют скворцы...

Всегда было так. Девчонки водятся друг с другом, а она с ними никак поладить не может. Вот и опять – поссорилась с Танюшкой. А из-за чего? Из-за каких-то муравьёв!..

...Аниска тёрла кринки горячей мочалкой, обливала их чистой холодной водой...

А на что ей нужны эти муравьи?

Но вспомнилась их суматоха, их муравьиная паника, их беготня. И Аниска сказала, обращаясь к большой миске:

– А она пусть не ломает. Им ведь тоже не легко строить-то! А к чему она сломала? Ну?..

В окно влетела бархатная оранжевая бабочка. Аниска поймала её, трепетавшую на стекле:

– Красавица ты моя! И кто ж тебя так нарядил? И кто ж тебя так разукрасил?

Аниска глядела на бабочку, ожидая ответа:

– Ну, скажи – ты откуда? Ну, скажи – как тебя зовут?

На кровати захныкал Николька. Аниска тихо вздохнула:

– Ну лети. Прощай. Прилетай ещё – ты меня не бойся!

Проводив глазами вспорхнувшую бабочку, Аниска подошла к кровати.

Никольке ещё года не было. Он говорить не умел, только гукал. Но зато умел слушать. Он слушал всё, что бы Аниска ему ни рассказывала. И только он один не ссорился с ней и не называл её Косулей.

Аниска усадила братца на полу, на разостланное одеяло, дала ему вместо игрушки расписную деревянную ложку.

– Сиди. А мне надо посуду вымыть. А то Лиза придёт – знаешь, какая у нас Лиза? Она теперь с девчонками на речку убежала. Хоть и сказала, что на участок. Да уж я знаю... Сегодня жарко-жарко! Ну, зачем на пол сползаешь? Сиди на одеяле. Вот так. А тебе на речку хочется?

– А-гу... – отвечал Николька.

– А, хочется! – продолжала Аниска. – А мне, думаешь, не хочется? А вот надо с тобой сидеть. И посуду мыть. И в избе убираться. А то мамка придёт, скажет: почему не убрано? Лизе от матери попадёт. А мне от Лизы ещё больше попадёт. Уж лучше вот я домою посуду да вымету...

– А-гы... – отвечал Николька.

– Да, тебе всё «агы». А у меня смотри какие руки! Чугунок-то в саже был. Ну это, Николька, всё ничего. А вот, знаешь, мне бы надо в лес сбегать. Мне бы на весь день... я бы тогда ронжу нашла. Отец говорит, у нас в лесу ронжи есть. Только далеко, за Лощинами, – он-то их видел. А знаешь, какие эти ронжи? Как полетят, как развернут крылья – так лес и осветят! Красные у них крылья-то. А я вот сколько хожу по лесу – никогда эту птицу не видела!

Никольке надоело сидеть на полу. Он закричал, забросил свою ложку под лавку. Аниска заторопилась:

– Ну подожди! Вот только блюдо осталось! Ну что, не можешь подождать, да? Ну сейчас, сейчас! Беру! Беру!

Аниска убрала посуду, взяла Никольку на руки и вышла из избы. Николька зажмурился от солнца.

– На лужайку пойдём?

– А-гу-у, – пропел Николька.

Аниска кивнула головой:

– Ну я так и знала, что тебе на лужайку хочется!

Лужайка была среди деревни, возле колодца – зелёная луговинка, наполовину затенённая старой липой. Здесь ребята играют в салочки и в горелки, здесь под липой на брёвнышках сидят по вечерам...

Но вышла Аниска с Николькой на руках из калитки, дошла до лужайки и остановилась, раскрыв от изумления свои серые косые глаза.

3. Ласковое слово

Лиза не убежала с девчонками на реку. Все они стояли здесь, сбившись в кружок, – и Катя, пушистая как одуванчик, и черномазая Танюшка, и курносая Верка, с розовыми, словно полированными щеками. Тут же лепился и Прошка Грачихин, белый с белыми ресницами, коренастый и по виду настырный.

И среди них Аниска увидела чужую девочку. Она была в коротком красном платье; аккуратные тоненькие косички с большими бантами лежали на плечах. Лиза кружилась возле неё, щупала её платье, разглядывала пуговицы на груди. А Танюшка щебетала, как воробей:

– Ты на всё лето приехала? А с нами водиться будешь? А на реку пойдёшь? А на школьный участок пойдёшь?

Девочка улыбалась. Аниска заметила, что верхние зубы у неё немножко торчат. Но эти два маленьких белых зуба нисколько не портили её улыбки.

– Косуля пришла, – вдруг сказал Прошка и спрятался за чью-то спину: за «Косулю» Аниска и вlepить не замедлит.

– Косуля? – спросила чужая девочка. – А почему же Косуля? Косули – ведь это животные такие. Ну, вроде оленей, что ли...

– А она же у нас косая, – объяснила Лиза, – у неё один глаз к носу забегает.

– Глаза по ложке, не видят ни крошки, – сказала румяная Верка и засмеялась.

А Танюшка сквозь смех скорчила рожу и вытаращила глаза, представляя Аниску.

Аниска стояла не говоря ни слова, будто не о ней шла речь. Она никогда не думала, чтобы у человека могло быть такое белое лицо, как у этой чужой девочки, и такие прозрачные нежные голубые глаза.

Эти голубые глаза весело глядели на Аниску:

– А как её зовут? Как тебя зовут, а?

– Аниска, – ответила за сестру Лиза и добавила, понизив голос: – Хоть бы причесалась. Вечно как помело!

– Аниска? Аниса, значит. Надо вежливо называть друг друга.

Чужая девочка подошла к Аниске и взяла её за руку.

– А меня зовут Светлана. Я к бабушке в гости приехала. Марья Михайловна Туманова – это моя бабушка. А это твой братик, да? Ой... какой маленький!..

– Это Николька, – сказала Аниска и покраснела.

Танюшка не вытерпела, дёрнула Светлану за платье:

– Не водись с ней. Она дерётся.

Аниска сразу нахмурилась и стала похожа на ежа.

– Вот и буду драться!

– словно петухи... – негромко сказала Катя и улыбнулась, как большая на маленьких.

Светлана удивилась:

– А почему драться? Из-за чего?

Тут вся Танюшкина обида вырвалась на волю.

– Из-за всего! Она из-за всего дерётся! Крылья у слепня оторвёшь – дерётся! Кошку стали купать в пруду – дерётся! Мальчишки полезут за гнёздами – и с мальчишками и то дерётся!

Все постарались вставить словечко. И Верка, у которой Аниска однажды отняла лягушку и бросила в пруд. И Прошка, которому попало от неё за то, что он подшиб грача. И даже Лиза – Аниска ей житья дома не даёт из-за цветов: не толкни их да не задень их!

Только светлоглазая Катя молча глядела куда-то на далёкие облака. Ленивая у Кати была душа – ни бранить, ни защищать не хотела.

Светлана поглядела на Аниску с любопытством. Но вдруг неожиданно повернулась к девочкам и сказала:

– Ну, а раз ей их жалко?

Скуластое Анискино лицо потемнело от жаркого румянца. Глаза засветились, как вода в калужинах, когда в них заглянет солнце. Светлана заступилась за неё! Она сразу всё поняла и никого не послушала!

Тут Николька неожиданно закапризничал и заплакал. Аниска вспомнила, что не покормила его. Она почему-то была уверена, что если Никольку не покормить вовремя, то он может сразу умереть. Она испугалась, прижала его к себе и побежала домой.

Светлана удивилась этому. А потом легко догнала её и, расставив руки, загородила ей дорогу.

– Аниса, ты куда? Ты рассердилась?

Аниска широко раскрыла свои прекрасные, серые, немного косящие глаза. Это она-то рассердилась? Она! На Светлану!..

Аниска хотела бы сказать, что она даже и не думала сердиться, что, наоборот, ей весело, а Светлана ей вся – одна радость!.. Но вместо этого она пробурчала еле слышно:

– А что оставаться-то? Мне ещё избу убирать...

Светлана удерживать её не стала:

– Ну ладно. А потом приходи ко мне. Я тебе заколку дам. А то у тебя волосы какие-то косматые...

И отвернулась к девчонкам:

– Ну что ж – мы хотели на реку?

Девочки ответили хором:

– На реку! На реку!

Трава на усадьбах краснела от дрёмы и цветущего щавеля, золотилась от ярко-жёлтой куриной слепоты. Сладким, тёплым запахом тянуло оттуда. Аниска с крыльца глядела девочкам вслед, пока они не скрылись в кустах. Потом крепко прижалась лицом к Никольке.

– Ой, Николька! И откуда она взялась? Ты слышал, как она: «Аниса... Аниса»? И за руку взяла, а девчонки сразу и замолчали. Ой, какая девочка к нам приехала! А ты слышал? Она сказала, чтобы я к ней пришла!

Что случилось на свете? Какое высокое и какое ясное сегодня небо! Воробьи щебечут так радостно и неистово – праздник у них, что ли? А может, это у Аниски праздник?

Аниска вдруг почувствовала, что сердце у неё большое-большое, во всю грудь, и что всё оно такое живое и тёплое. Хоть бы скорей отец пришёл со стройки. С самой весны он в совхозе строит телятник. Всё нет и нет дома отца, только на воскресенье приходит. А сегодня вторник. Но как придёт в субботу вечером отец – Аниска сразу расскажет ему, какая к бабушке Тумановой приехала внучка и как она сразу заступилась за Аниску. «Ну, а раз ей их жалко?» – вот что она сказала.

4. Анискины бредни

Бабушка Туманова с утра с вилами в руках разбивала навоз в огороде, носила его под рассаду. Светлана, соскучившись в избе, пришла к ней в огород и, аккуратно приподняв платице, присела на брёвнышко.

– Это что растёт? – спросила она.

– Капуста.

– Капуста? Но... бабушка! Вы же её испортите этим!

Бабушка удивилась:

– Чем – этим? Навозом-то?

– Ну да. Она же будет плохо пахнуть!

– Это добро всякий злак любит, – сказала бабушка, – и капуста тоже. А ты что фыркаешь – нешто оно поганое?

Светлана чуть-чуть скривила губы и приподняла свой маленький, словно заципнутый нос. Уж эта бабушка – скажет тоже!

Пушистые светло-зелёные кусты малины, росшие у изгороди, вдруг тихонько зашуршали и раздвинулись. В щёлочку глядели на Светлану большие Анискины глаза.

– Бабушка, – с улыбкой сказала Светлана, – гляди-ка!

Бабушка выпрямилась:

– Кто там? Аниска? А! Ну иди сюда, иди, не бойся, чай, не кусаюсь.

Аниска обогнула огород и вошла в калитку.

– Ты за заколкой пришла, да? – спросила Светлана.

Аниска отрицательно покачала головой.

– А зачем же тогда?

– Ну что такое – зачем да зачем! – сказала бабушка. – Пришла, да и всё! Вот что, Аниска, возьми-ка нашу барышню да поведи куда-нибудь. Вишь, сидит без дела, не знает куда себя девать.

Аниска улыбнулась, крупные зубы сверкнули, как белая речная галька.

Светлана вскочила:

– Бабушка!

– Ну, чего ты?

Светлана подошла к ней, пригнула к себе её голову и зашептала в самое ухо:

– Бабушка, что вы! Как я с ней пойду? Ведь она же чудная...

Бабушка посмотрела на Светлану сурово, с неудовольствием:

– Это кто же тебе такую басню сказал?

– Девочки.

– Экие злыдни твои девочки! Если человек на них не похож, так у них уж и «чудная»! Иди, иди, она плохому не научит!

Светлана подошла к Аниске:

– Ну... пойдём.

– Со мной? – спросила Аниска с затаённой радостью.

– Ну конечно.

– В лес?

– Ну хоть в лес...

Девочки вышли на узкую тропочку, которая сквозь кудрявую травку пробиралась вдоль деревни к пруду.

– Только ты, Аниса, мне что-нибудь рассказывай. А то будешь молчать да молчать... Я тогда от тебя убегу!

Аниска задумчиво посмотрела на неё:

– А рассказывать про всё?

Светлана повела тонкими бровками:

– Какая ты странная. Конечно, про всё, почему же нет?

– Вот здесь наш дедушка умер, – вдруг сказала Аниска.

Светлана остановилась:

– Где?

– Вот на этой тропочке.

– Как?.. Почему?..

– А у нас немцы были тогда. Они не велели вечером на улицу выходить. А дедушка вышел. Покурить ему захотелось, уж очень ему захотелось покурить. Он пошёл к дяде Егору – нет ли у него самосаду? А немец ему кричит: «Стой! Стой!» А дедушка наш глухой был. Идёт да идёт. Ведь ещё и не темно было, смеркалось только. А немец из ружья – бум! Дедушка схватился за грудь, покачался, покачался и лёг на снег. Вот здесь и умер.

– А ты почём знаешь? Ты же не видела!

– Мать рассказывала...

Светлана со страхом смотрела на зелёную солнечную тропочку:

– Ой... Уйдём отсюда. Уйдём скорей! Побежим в поле – догоняй!

Светлана припустилась бежать, лёгкая, как котёнок. Красные ленточки в косах распустились на ветру. Аниска бросилась за ней. У неё были крепкие ноги, и бегала она, топая, как жеребёнок. Она уже раз пять догоняла Светлану, но, догнав, не решалась схватить её – а вдруг рассердится?

А Светлана останавливалась, прыгала на одной ножке и, смеясь, дразнила:

– Не догнать! Не догнать!

И была очень рада, что Аниска никак её не догонит.

Потом тихонько шли к лесу без тропки, прямо через поле, засеянное льном. Тонкие жёсткие стебли стегали по ногам.

– А на этом поле весной самолёты садились, – сказала Аниска.

Светлана удивилась:

– Настоящие?

– Ага. Настоящие. С лётчиками. У нас тогда на зелена какой-то вредитель напал – вот с этих

самолётов всё поле и опрыскивали. Как дождиком.

– И ты видела?

– Все видели. А Стёпка Лукошкин у лётчика спросил: «Можешь без отдыха до границы долететь?» А лётчик говорит: «А почему без отдыха? Мы можем на облачко присесть, отдохнуть да и дальше!»

Светлана поглядела на тёплое синее небо, на крутое белое облако с тёмным донышком.

– Как на облака присядешь? Ведь они из пара! Ты ведь знаешь, что они из пара? Ты в каком классе?

– Во втором. Буду в третьем.

– У, большая, а во втором! Я уже в четвёртый перешла! Ты, значит, и не пионерка?

– Нет.

– А меня зимой приняли. А почему не вступаешь?

– Не примут.

– Почему? – Светлана удивлённо посмотрела на неё.

Аниска отвела глаза.

– Я с ребятами дерусь. Они всегда дразнятся. Я и дерусь.

– А почему же вожатая не заступится?! – Светлана даже плечами пожала от возмущения.

– А она почём знает? – глухо сказала Аниска. – Я же не говорю, почему дерусь... Да ну и пусть не принимают. – Аниска насупила брови.

И Светлана тотчас переменяла разговор:

– А мне мама новую форму сшила. Шерстяное коричневое платье и чёрный фартук с широкими плечиками. А ты в чём?

– В этом.

– Но ведь это ситцевое!

– А ещё есть синее с горошками...

– Ну и не похожа на ученицу. Надо, чтобы коричневое и чёрный фартук. Только тебе не сошьют...

– А может, и сошьют? У матери трудней много – она у нас огородница. Попрошу, и сошьёт... И отец у нас плотник. – И добавила чуть слышно: – Он сейчас в совхозе работает. А может, он там, в магазине, купит и принесёт.

Но Светлана только засмеялась на это:

– Так он и будет помнить про твоё платье!

У Аниски опять сошлись брови.

– Будет. Он мне в ту осень башмаки с галошами купил!

– Фу, галоши! – Светлана сморщила нос. – Терпеть не могу никаких галош!

Аниска хотела было вспылить. А как же в новых башмаках прямо по грязи в школу идти? Эти башмаки отцу легко было заработать, что ли? Помаши-ка топором-то с утра до ночи!

Но посмотрела на Светлану и промолчала. Неужели надо Аниске ещё и с ней поссориться?

Лён кончился у самой лесной опушки. Аниска вдруг, ничего не сказав, побежала куда-то в сторону.

– Куда ты? – закричала Светлана.

Ей стало страшно: а вдруг Аниска убежит и бросит её одну?

Но Аниска не думала убежать. Она залезла в заросли шиповника, осторожно пригнула тонкую колючую ветку с розовым бутонем на конце:

– Посмотри! Посмотри, какая красавица! Понюхай!

Светлана понюхала:

– Ну подумаешь! Вот розы – это да! Мама ставила в вазу – вот те пахнут! А эти что...

Аниска замахала на неё рукой:

– Не говори! Не говори!

Отвела её от куста и зашептала:

– Зачем так говоришь-то? Ведь ему тоже обидно!

– Кому?

– А шиповнику. Он зацветает, а ты!..

Светлана поглядела на неё с некоторой опаской: «Отколотит?»

Но Аниска была кротка и задумчива.

– Мне вот всё думается – откуда он эти розовые цветочки берёт? Листья зелёные, и почки зелёные, а из зелёного – вдруг розовый цветочек. Ну, откуда? Почему? Как он может?.. Я вот всегда так гляжу и думаю... Ты не знаешь?

Светлана ответила уверенно, но не глядя в глаза:

– Конечно, знаю! Вот ещё пустяки... Только... пойдём домой...

– А хочешь, я тебе партизанскую могилу покажу?

– А далеко?

– Да нет. Вот тут через овражек. Иди за мной.

Аниска бегом бросилась в овраг, заросший ольшнякам и малинником. Светлана поспешила за ней. Кусты царапали ей руки и цеплялись за платье, а под ноги то и дело подвёртывались острые сучья и корявые пеньки. На дне оврага, в ручье, Светлана промочила свои жёлтые туфли. Кое-как перебравшись на ту сторону, она оглянулась в страхе:

– Аниса, ты где?

В ответ ей только шершавые солнечные листья ольшняка тихонько шелестели под ветром. Светлана, не глядя под ноги, изо всех сил карабкалась по крутой стороне оврага. Косы у неё растрепались, одна ленточка осталась где-то на ветке... Ей уже представилось, что Аниска убежала, что она осталась одна и теперь совсем пропадёт в лесу...

Но, выбравшись наверх, она сразу увидела Аниску.

– Ты что же не откликнулась?! – сердито, чуть не со слезами, крикнула она.

Но Аниска сделала ей знак рукой:

– Не кричи. Здесь нельзя кричать... Видишь?

На бугорке, обнесённая частой оградой, зеленела большая могила. Широкая черёмуха прикрывала её свежей душистой тенью.

– На этой черёмухе очень много цветов бывает, – тихо сказала Аниска. – Как начнёт отцветать – так с неё и сыплется и сыплется на могилу... Будто летом снежок идёт...

– А ты видела?

– Да.

– Что же, вы часто сюда ходите?

– Я хожу.

– Одна?

– Да.

– А девочки?

– Они не ходят.

– Ну, а почему же ты ходишь?

– Так. Побывать с ними.

– С кем?

– Ну, с ними. Которые здесь лежат.

Светлана поёжилась от страха.

– Ну тебя! Ты мне нарочно, чтобы я боялась! Не буду с тобой ходить, ни за что не буду!

Но Аниска глядела на неё ясными и печальными косыми глазами:

– А чего ты боишься? Мне их очень жалко. Ведь к ним на могилу родные не придут. Кто их знает, где у них родные? А ведь им тоже хочется, чтобы их помнили. Наши-то, деревенские, помнят – могилу каждую весну оправляют. Ну, а всё-таки... К ним ведь и приходиться тоже надо!

– Аниса, пойдём отсюда, – прошептала Светлана, – пойдём, я домой хочу!

Аниска поглядела на солнце:

– Что ты! Рано ещё!

– Всё равно пойдём. Только не через овраг – там сыро.

Аниска вывела Светлану на лесную тропочку. Высокие молчаливые ёлки и берёзы стали по сторонам.

– А ты не заблудишься? – опасливо спросила Светлана.

Аниска улыбнулась:

– В своём лесу-то? Да я тут с закрытыми глазами пройду. Вот на этой ёлке дятлово гнездо. Видишь?

– Нет.

– Да вот же!

– Да никакого там гнезда нету! Только дырка в стволе.

– Дырка! – засмеялась Аниска. – Это и есть гнездо. А ты думала, дятлы гнезда вроде грачиных делают? Тише!.. Летит...

Девочки притихли. Чёрный дятел с малиновым затылком бесшумно юркнул в маленькое круглое дупло.

Прошла минута... другая. Светлана потянула Аниску за платье:

– Пойдём, ну чего стоять-то?

– А может, он вылезет!

– Ну и пусть вылезает. А что интересного?

Аниска с сожалением отошла от ёлки. Хотелось посмотреть, что в дупле. Может, там уже детки есть? А может, ещё только яички лежат...

Девочки молча шли по усыпанной старой хвоей лесной тропинке. Светлана изредка срывала цветок – то душистый жёлтый бубенчик, то крупную незабудку, растущую возле старой колдобины.

– Как чудно... – наконец сказала Аниска. – Вот дятлы яйца кладут белые-белые! Даже блестят. А птицы из них вырастают чёрные... Вот я и думаю – почему?..

Светлана нетерпеливо тряхнула косичками:

– «Думаю-думаю»!.. А тебе не всё равно? Какая тропка длинная, идём-идём, а всё из лесу не выйдем!

– А зачем тебе надо поскорей из лесу выходить? Разве плохо в лесу-то?

– Не плохо... А как-то страшно...

Светлана насупила тонкие бровки и оглянулась по сторонам:

– Всё деревья, деревья... Столпились кругом и ничего из-за них не видно!

– Я все эти деревья давно знаю, – возразила Аниска, – и они меня тоже знают...

Светлана поглядела на неё с удивлением:

– Они тебя знают? Деревья?

Аниска кивнула головой.

– Да, знают. Вот ёлка – видишь? Косматая такая, как медведь. Когда меня в лесу дождик застает, так она машет, машет мне потихоньку – иди! Иди укройся! А вон там – берёзка. Вон та, кудрявая. Когда сделается мне скучно-скучно... Ну вот так скучно-скучно сделается! Даже слеза пробивает... Ну, мало ли там почему. Другой раз и сама не знаю... Вот и прибегу сюда, к ней. А она меня встречает такая веселенькая, радуется мне. И мне тогда станет веселее.

Светлана молча ускорила шаг. Хоть бы выйти поскорей из этого леса! И дорога незнакомая, и дом неизвестно где. А подруга и в самом деле у неё чудная, какие-то бредни говорит... А может, она и сама-то дорогу не знает как следует, может, им и не выбраться теперь отсюда?!

Аниска тоже примолкла. С каждым шагом приближался конец её праздника, её радости. Сейчас кончится тропка – и всё кончится. Дома, если матери нет, Лиза нападет на неё. Убежала, а её с Николькой оставила. А Светлана уйдёт к девчонкам – разве она будет водиться с Аниской!

А может, будет? Целое лето впереди – сколько раз ещё пойдут они по полям и лесам со Светланой! Аниска сводит её к Лощинам – там белые грибы родятся. Покажет кабанью нору. Поведёт на вырубку, в малинник – ни одна девочка не знает это малинное местечко! А шмелиное гнездо, а ёжик, который встречается на овсяной меже, а лосиные следы у ручья... Да мало ли! Они везде будут ходить со Светланой.

– Я тебе когда-нибудь ронжу покажу! – сказала Аниска. – Они у нас в лесу водятся.

– Какую ронжу?

Аниска весело удивилась:

– Не знаешь? Птица такая. Как полетит – будто огонь загорится. Красная вся – и крылья и хвост. Только шапочка чёрная. Отец её сколько раз видел.

– Ну, отец! А ты же не видела. Может, отец тебе нарочно сказал. Такие птицы только в жарких странах бывают!

Аниску снова бросило в жар от гнева. Что же отец будет её обманывать? У них отец не такой, он никогда не обманывает! Он в лесу жил, когда на лесопилке работал, – там и ронжу видел. Только вот как всё это высказать Светлане, чтобы и за отца заступиться и её не обидеть?

– Деревню вижу, – вдруг радостно крикнула Светлана, – нашу избу вижу! Я теперь дорогу знаю, – запела она, – я дорогу знаю и сама!..

И, словно забыв про Аниску, побежала в деревню. У околицы на пруду плескались Верка и Катя.

– Что это вы делаете? – крикнула Светлана.

– Идите к нам! – позвала Катя.

– Светлана, иди к нам! – подхватила Верка. – Мы куклино бельё стираем!

Аниска замедлила шаг. Что же? Так и уйдёт? И не оглянется даже?

Светлана оглянулась. Но глаза у неё были весёлые, прозрачные и совсем далёкие:

– Тебе домой надо, да? Ну иди! Я с ними буду!

А на крыльце уже стояла Лиза с Николькой на руках.

– Ах ты Косуля! Убежит и не спросится! Бери Никольку. Она будет бегать, а я дома сидеть – ишь ты, какую моду взяла! Он мне всю кофточку обмуслякал!

5. Пути к сердцу

И вечером, когда улеглась в постель, и утром, проснувшись чуть свет, Аниска думала об одном: что бы такое сделать для Светланы?

И вдруг вспомнила: «Ронжа!»

Да! Надо поймать ронжу! Аниска найдёт эту птицу с красными крыльями, поймает её и отдаст Светлане! Вот, наверно, она обрадуется!

«Ага! – скажет тогда Аниска. – Что, нарочно сказал отец? Вот она – ронжа. Уж очень эта птица хитрая, трудно её поймать. А вот я поймала всё-таки. На, это я тебе её принесла!»

Аниска тихонько встала и перелезла через Лизу, которая спала рядом с ней на скрипучей деревянной кровати. Ещё розовое было небо, и солнце, только поднявшись над огородами, в упор глядело в окна.

Мать топила печку. За тонкой щелястой перегородкой потрескивало пламя, брякали чугуны и ухваты.

Аниска оделась и, чтобы не показаться матери на глаза, не пошла через кухню, а раскрыла окошко и выпрыгнула в палисадник.

Ветки цветущей сирени обдали её густым прохладным дождём. Аниска любовно подняла лицо к лиловым цветам. Сколько в них красоты, сколько в них радости! Хоть бы они всё лето цвели и до самой зимы не осыпались.

Из палисадника Аниска скользнула на тропочку и мимо крыльца – на задворки. Но скрыться не успела – на крыльцо вышла мать выплеснуть помой.

– Это куда? – удивилась она. – Это что ж – с утра пораньше с глаз долой? Ишь ты, голубушка! Иди, иди-ка домой. Раз уж встала – помогай. Иди почисти картошки на суп. А потом поросёнку вынесешь.

Аниска с насупленными бровями вошла в избу: «Ну и ладно. После завтрака убегу».

Но после завтрака пришла Катя и сказала:

– Тётка Прасковья, бригадирша, зовёт капусту полоть.

Лиза насторожилась:

– Кого зовёт?

– Всех ребяташек. Все, кто есть, пойдут. Потому что очень заросло.

Лиза сразу скисла:

– Ещё что выдумали! Там весь нос облупится, на жаре-то!

Катя улыбнулась:

– А ты на нос бумажку наледи. Вот и не облупится. Аниска, пойдёшь?

– Я пошла бы. Лиза, с Николькой останешься?

Острые Лизины глаза тревожно забегали: пойти? Не хочется – загорись очень и руки будут корявые. Остаться? Николька надоест за день!.. Наконец решила: подошла к Аниске и молча взяла Никольку.

Девочки гурьбой побежали к реке. Там, в низинке, широко залегли капустные огороды. По пути Аниска слезила в ольховую чащу и сорвала жёлтый, просвечивающий на солнце бубенчик. Танюшка взглянула на неё и засмеялась:

– Смотрите, солома горит!

Все засмеялись. А Светлана стала оглядываться во все стороны:

– Где? Где солома горит?

Танюшка указала на растрепавшиеся Анискины волосы:

– А вот где! Не видишь?

Светлана засмеялась:

– И правда! Похоже!..

Аниска подбежала к Танюшке и мигом взъерошила её чёлку.

– Вот и у тебя солома горит! Вот и у тебя – похоже!

А потом скомкала нежный бубенчик и бросила в кусты. Пусть Светлана сама за цветами лазит!

Девочки, как синицы, окружили тётку Прасковью.

– А где нам полоть? Какие грядки?

Далеко, на крайних грядах звучала негромкая песня, пестрели кофточки и платки колхозниц. Капусты совсем не видно было, лебеда и пырей шубой накрывали гряды.

Тётка Прасковья указала на самые короткие:

– Начинайте отсюда. Только капусту не дёргайте.

Аниска встала рядом со Светланой, мимолётная досада её прошла. Она сейчас же принялась за работу. Её загорелые руки проворно и крепко схватывали траву и выдирали с корнем. Сочная, словно запылённая мукой лебеда поддавалась легко. Хрупкий мокрижник тоже слабо цеплялся за землю. Только пырей ни за что не хотел уступать – приходилось разворачивать всю грядку, чтобы выдрать тугое корневище... И тогда пальцы приятно ощущали прохладу свежей земли, скрытой под сухой, заветренной коркой. А как мило смотрели на солнышко освобождённые от сорной травы нежные листья рассады! Как они радовались небу, простору, ветерку и словно говорили Аниске спасибо.

Танюшка пыжилась, пыхла и даже вспотела вся, стараясь не отстать от Аниски. Она даже примолкла минут на десять. Но через десять минут язык у неё заскучал.

– Ох и грядка у меня – пырей да пырей! У Аниски лучше. И у Кати лучше. У Верки вовсе с плешинами... А у меня! Ой... А где же Светлана? Ха-ха! Смотрите, на «козе» едет!

Светлана была ещё в самом начале гряды. Она осторожно, одной рукой выдёргивала по травинке. Верка поглядела и тоже засмеялась – она рада была хоть чему-нибудь посмеяться, а розовые щёки у неё так и блестели на солнце.

– Боится ручки замарать! Смотрите, как пикульник-то берёт – двумя пальцами!

У Танюшки слова мешались со смехом:

– Да ты хватай его, хватай, не бойся! Он тебя не укусит!

– Да, не укусит... – жалобно ответила Светлана. – Ещё как кусается-то! Он ведь с колючками!..

Аниска, ничего не говоря, подошла и выдрала с корнем колючий пикульник. И так же молча ушла на свою грядку.

– Димка бежит! – вдруг прошипела Верка. – Сейчас начнёт просмеивать!

И бросилась как попало дёргать траву, только бы не показалось, что она отстаёт.

– Эй вы, куриная слепота! Как дела?

У Димки жёлтые волосы торчали надо лбом, короткий нос покраснел от солнца и лупился, а на щеках светились ямочки.

– А мы на том конце подем!

– Это ребята полют, а ты бегаешь! – не оборачиваясь, крикнула Танюшка. – Чего пришёл?!

– А вот посмотреть! Подумаешь – задаются. И обогнали-то на два шага!..

– Ага! Всё-таки обогнали, значит?

Но тут Димка увидел грядку Светланы, и ямочки на щеках засветились ещё больше:

– О-ёй! Вот так «коза»! Это чья такая?

Светлана глядела на него, поджав губы. По белому лицу её пошёл нежный румянец, и светлые жалобные глаза обратились к подругам. Аниска вскочила и закричала на Димку:

– Уходи! Уходи отсюда! Ступай свою «козу» паси, а чужих нечего!

– Ох-ох! Подумаешь!

– Вот и подумай! – подхватила Танюшка. – Когда конец будет – тогда и посмотрим, у кого будут «козы»!

– Посмотрим! – крикнул Димка и побежал обратно.

Солнце пекло. Платье прилипало к спине. Танюшка долго ещё ворчала на отсутствующего Димку, но скоро и она примолкла. Начинала побаливать поясница, руки двигались всё медленней. Девочкам казалось, что они давным-давно сидят на капусте, что и обед прошёл, а про них забыли...

Сигнал на обед долетел к ним из деревни. Там стучали в железную доску, и густой

отрывистый звон разносился далеко вокруг – и в поля, и на пахоту, и в пустырь, где корчевали пни, и к ним, на капустные огороды...

Девочки, обтирая руки травой, вышли на тропочку. На горке их догнали ребята. Усталости как не бывало. Спорили, смеялись. Димка называл девчонок куриной слепотой. Они его репьем и молочайником. Чистый голос Светланы слышался всех отчётливей:

– А ты репей! Репей! Как пристанешь – так и не отцепишься!

И никто не заметил, что Аниска одна осталась на грядках.

6. Букет сирени

На другой день девочки пришли на участок с утра. Выполотые грядки смотрели как умытые. Капустная рассада весело топорщилась под солнцем, расправив толстые голубоватые листья.

Первая остановилась Верка:

– Смотрите!

– «Козы» нету! – удивилась Танюшка.

Обе посмотрели на Светлану:

– Ты дополола?

У Светланы забегали глаза:

– Я... Правда, я не... Да я же...

– Ты что – вечером полоть приходила? Да?

– Мы с ней вчера весь вечер в куклы играли, – сказала Катя.

– А кто же тогда? Может, Димка пришёл да выполол?

Все глядели друг на друга и смеялись:

– Вот так чудо! «Коза» пропала!

– А я знаю! – вдруг догадалась Танюшка. – Это Косуля выполола! Она же ведь с нами домой-то не шла вчера!

Аниска будто не слышала этого разговора. Она уже начала новую грядку.

– О, так-то, как Светлана, и мы можем! – обидчиво сказала Верка. – Будем дёргать по травиночке, а за нас кто-нибудь полоть будет!

И надула губы.

Светлана рассердилась:

– А я и не просила. Я просила разве? Я бы и сама... Аниса, ты что это? Зачем мою грядку выполола? Я не могу, да?

– Здорово, – лениво усмехнулась Катя. – Это тебе, Аниска, вместо «спасибо».

Светлана, вздёрнув маленький защипнутый нос, косилась на Аниску. Но когда увидела, что Катя хочет начать грядку соседнюю с Анискиной, она бросилась и сама заняла её.

Девочки сначала оживлённо болтали о своих делах – о новой кукле, которую сшила себе Верка, о ласточках, которые живут под застрехой у Тумановых, о том, как за белобрысым Прошкой гнался колхозный бык... Но грядки попались трудные, то пырей, то колючий пикульник, и весёлые языки скоро примолкли.

Аниска работала яростно. Она пропалывала и грядку и обе межи – свою и Светланину, – так что и Светлана сегодня не так-то шибко отставала. Сорняки складывала грудками и притаптывала их своими босыми коричневыми ногами – злые травы живучи, уцепятся корнями за рыхлую землю и опять поднимут голову.

Вдруг проворные руки её замедлились. Аниска в меже увидела жука. У него было толстое брюшко и короткие жёсткие крылья. Жук рыл норку – позади у него возвышалась маленькая кучка вырытой земли. Аниска забыла о капусте.

Норка была уже глубокая, но чёрно-синий жук рыл всё глубже и глубже. Под брюшком у него Аниска увидела маленький желтоватый комочек и догадалась, что жук хочет положить в норку яички... Значит, это такой жук, у которого детёныши выводятся в земле.

Минуты проходили одна за другой. Жук продолжал работать, и Аниска не трогалась с места. Танюшка, полная торжества, давно перегнала её. Катя и Верка поравнялись с ней и молча, посмеиваясь и переглядываясь, спешили изо всех сил, чтобы тоже обогнать её. Аниска ничего не видела. Она ждала – когда же наконец этот жук перестанет копать и положит яички?

Жук перестал копать. Но яичек не положил. Он отполз в сторонку, нашёл листок подорожника и принялся его грызть – видно, устал и проголодался.

Давно, ещё той зимой, Аниска прочитала сказку про Хромую Уточку. Тогда Аниска только что научилась читать. Книжка была хорошая – крупные буквы и картинки во всю страницу. Это была первая книжка, которую Аниска прочитала сама. Жалко ей было бабку и деда, которые остались одни. И жалко Уточку – сожгла бабушка её гнёздышко, а ещё не время было это гнёздышко сжигать. Вот и не пришлось Уточке превратиться в девушку. Бросили ей гуси-лебеди по серому пёрышку – она и улетела в дальние страны... Аниска тогда плакала. А Лиза над ней смеялась:

– Дурочка! Что это – в сам-деле было, что ли? В сам-деле так не бывает.

А откуда Лизе знать – бывает или не бывает? Вот почему-то умеют муравьи строить такие дома – с переходами внутри... И осы делают гнёзда – будто из бумаги лепят... И цветы – сами поворачиваются к солнцу, а на ночь свои чашечки закрывают... Значит, они что-то думают, что-то понимают. А может, они тоже, как Хромая Уточка? Бабушка-то думала, что это простая птица, а ведь это была девушка!

Так вот и жук этот...

– Аниса... Что же ты сидишь-то?

Голос был негромкий, просящий. Но Аниска вздрогнула – так неожиданно прозвучал он. Она обернулась. Светлана жалобно глядела на неё синенькими глазками.

– Помоги... – попросила она еле слышно, – мы ото всех отстали. Ты-то догонишь. А меня опять все будут дразнить...

Аниска откинула назад свои густые космы, поглядела кругом словно спросонья.

– Эй! Задремала? – крикнула Татьяна. – Смотри, на «козе» поедешь!

– Не поеду, – буркнула Аниска.

– А я поеду... – печально сказала Светлана. – Ты вот сидишь только да отдыхаешь!

– И ты не поедешь, – ответила Аниска.

Она полола сразу две грядки – и свою и Светланину. Сорняки будто горели у неё под руками. Хоть и медленно, но всё-таки она нагоняла девочек.

Подошла тётка Прасковья, посмотрела, покачала головой:

– Отстаёшь, Аниска, отстаёшь! Будешь лениться – в пионеры не примут!

У Аниски болела поясница и пальцы на руках припухли и растарацились.

– Догоним, – спокойно ответила она, – вот ещё!

Обед прервал работу.

Когда шли домой, Верка пела:

– Кто-то едет на козе,

На козе на дерезе!..

– А потом ещё Димка прибежит... – украдкой вздохнула Светлана. – Противные все какие-то...

Аниска не стала обедать. Она схватила кусок хлеба, съела его с молоком и побежала к Светлане.

– Ты что? – удивилась Светлана. – Уж идти надо?

– Пойдём, – сказала Аниска.

– Но я ещё и не отдохнула ничего! И у меня ещё заноза в руке! Я не могу так скоро... И потом, ведь сейчас жарко очень!

Аниска понизила голос:

– А ты не будешь полоть. Ты там в холодочке посидишь. А то скажут, что я одна выполола...

– Но я же не могу-у-у!..

– Ну, ты не сейчас. Ты пообедай и приди... Ладно? Будто ты всё время там была.

Светлана сразу повеселела:

– Ладно!

Так и было, как сказала Аниска. Она прополола обе грядки и догнала девочек. А потом опять

гнала две – и свою и Светланину. Светлана только между успевала пропалывать. И к тому времени, как из деревни донеслись к ним глухие удары в железное било, у них на участке не было ни одной «козы».

Светлана подбежала к Аниске и крепко обняла её – так она была рада, что вылезла из беды.

– Анисочка! Я всегда буду с тобой водиться! Я к тебе сегодня играть приду – вот увидишь! Я все время буду с тобой!..

Аниска молчала. У неё болела спина; руки, исколотые пикульником, изрезанные пыреем, больно было сжать в кулак. Но серые косые глаза говорили о том, что она счастлива.

В сумерки Светлана в самом деле пришла к Аниске на крыльцо. Они вдвоём забавляли Никольку, агукали ему, пели песенки. Потом посадили его на одеяло, а сами играли в «мак». Аниска прыгала неуклюже – то наступала на черту, то попадала в «огонь». Светлана не прощала ей ни одного промаха. Но Аниска не обижалась. Она раскраснелась, крупные зубы её блестели, смех разбирал её от всякого пустяка.

Первая подошла к ним Танюшка. В следующий кон она уже прыгала вместе с ними. Верка бежала мимо. Но увидела «мак», и ноги сами собой привели её к Анискиному двору. Потом подошла Катя и тихонько стала в стороне.

– Давайте снова! – скомандовала Светлана. – Чур, первая!

– Чур, вторая!

– Чур, третья!

– Четвёртая!

Аниска была последняя.

Аниске было всё равно – первой ей быть или последней. Но её приняли в «мак». Она по-прежнему проигрывала и без конца оставалась последней, но зато как было весело! И Николька мирно играл на одеяле, и Лизы не было дома – ушла с бельём на речку... Если бы три дня и три ночи продолжалась эта игра, Аниска ничуть не соскучилась бы!

Но наступил вечер.

Девочки убежали встречать скотину.

Светлану бабушка позвала домой. Вернулась с речки Лиза, пришла мать с работы. Мать взяла Никольку и унесла в избу.

Аниска долго сидела на крыльце. Ей видно было, как опускается солнце в далёкий лиловый лес, как бледнеет розовое облачко, похожее на рыбку, как ложатся мягкие тени на заросшую гусиной травкой улицу... Тихо-тихо становится кругом. Первые звёзды задрожали на бледно-зелёном небе, а берёзка у околицы стала тёмной и неподвижной, будто нарисованная...

Никогда ещё Аниска не видела, чтобы так красиво и так радостно было на земле. Ей даже плакать хотелось оттого, что слишком хорошо человеку жить на свете!.. Вот завтра Аниска будет так работать, что Светлана со своей грядкой окажется впереди всех!

Но это будет завтра. А вот если вытащить для неё мёд из шмелиного гнезда? Но это тоже завтра. Можно бы достать белых купавок с омота, но ведь и это только завтра – ночью же не полезешь! Всё завтра! А вот Аниске хочется сделать что-нибудь сегодня, сейчас! Сейчас же!

«А! Знаю!»

Мать окликнула Аниску ужинать. Аниска не отозвалась. Она бросилась в палисадник и быстро, грубо обломала все цветы со своего любимого сиреневого куста. Завтра утром в окно заглянут изуродованные ветки, в садике покажется скучно и пусто... И мать станет ругаться, наверно...

«Ну, пускай!»

Аниска тихонько выбралась из палисадника и, прижимая к груди охапку влажной сирени, побежала к Тумановым. У Тумановых уже было заперто. Ей открыла бабушка Марья.

Она удивилась, увидев Аниску:

– Ты что?

– Я ничего... – виновато сказала Аниска. – Я только вот... Бабушка Марья, отдай Светлане!

Она положила на стол мокрые встопорщенные сиреневые ветки и скрылась.

– Бабушка... Кто это там? – сонным голосом спросила Светлана из маленькой комнаты за печкой.

– Аниска тебе букет принесла, – ответила бабушка. – Ты погляди какой!

– Только не ставьте ко мне, – сказала Светлана, – а то от него голова заболит. Я завтра посмотрю...

7. Измена

Три дня ходили девочки полоть капусту. Три дня Светлана крепко дружила с Аниской. Они почти не расставались – пололи вместе, а после работы играли вместе. Светлана даже помогала Аниске – ходила с ней за водой, вязала с ней веники из полыни...

Когда в последний раз шли с огородов, лукавая Верка обратилась к Светлане:

– А завтра ты с ней тоже дружить будешь?

Аниска быстро взглянула на Верку, потом на Светлану. Светлана подняла кверху свой маленький защипнутый носик.

– Да. Вот и буду дружить. За грибами с ней пойду. А когда малина поспеет – буду с ней за малиной ходить. Всё лето буду с ней дружить!

Она обняла Аниску за плечи. И так шли они от реки до деревни, до самого дома. У палисадника Аниска остановилась и поглядела Светлане в глаза.

– Ты правда со мной ходить будешь?

– Буду.

– И в лес, и на луг, и за малиной?..

– Конечно.

– А малина поспеет ещё не скоро... Ты до тех пор со мной не раздружишься?

– Нет. Не раздружусь.

Аниска вдруг крепко обняла Светлану.

– А я тебя до самой смерти буду любить, – сказала она, – до самой смерти. До самой смерти.

И побежала домой, потому что Лиза уже стояла на крыльце и нетерпеливо звала Аниску.

Кто самый счастливый ходил по земле в этот вечер? Кому усмехалось заходящее солнце?
Кому светили весёлые звёзды?

Это Аниске усмехалось солнце, это ей светили звёзды, это она, счастливый человек, лёгким шагом ходила по земле.

И вот снова они вдвоём – Аниска и Николька. Спокойный жаркий день стоял за окнами. Где-то гудела пчела. Лиза попрятала немытую посуду по углам, наскоро вымела середину пола и ушла в село, к Анне Дмитриевне, своей пионервожатой. Анна Дмитриевна ведёт у них кружок рукоделия, у неё всякие нитки есть. Лиза попросит у неё красных ниток, а потом вышьет себе кофточку и наденет на Октябрьский праздник...

С улицы долетел звонкий говор Танюшки, протянулась тоненькая песенка... Девочки собрались куда-то! Идут всей гурьбой, и белобрысый Прошка сзади тащится. И Светлана с ними. Она сегодня в чистом платье в розовую полоску и с розовым пояском. Уходит!

Конечно, Аниска могла бы схватить Никольку и выбежать к ним навстречу. Но мать не велела таскать Никольку на реку. А потом, если бы даже и Никольки не было, Аниска всё равно не выбежала бы к ним. Зачем же? Раз не зовут – она и не пойдёт...

Николька хныкал, но Аниска не отходила от окна. Что это? Девочки остановились против их дома. Светлана бежит к ней!

– Аниса! Пойдём купаться.

Аниска, улыбаясь, затрясла головой:

– Мне с Николькой нельзя... Ты иди, иди! А я дома буду.

– Ну ладно. Я потом приду к тебе!

Светлана побежала обратно.

– А ты вправду придёшь? – крикнула Аниска.

– Конечно, приду!

Девочки ушли. Тоненькая песенка всё дальше, дальше... Наконец Аниска заметила, что Николька плачет. Она взяла его на руки, поцеловала в лоб и нежно прижала к себе его светлую голову.

– Николька, ты не плачь. Ты думаешь, что Светлана с нами больше не водится? А вот и нет. Водится! Видишь – прибежала, позвала! Она искупается и придёт. Мы будем с ней играть в «мак». Потом мы ей покажем, где у нас под крыльцом живёт жаба. А говорят, уж в лесу сыроежек пропасть – вот пойдём с ней в лес. Там овражек есть – длинный такой и немножко тёмный... Знаешь, там по краям сколько сыроежек бывает! Вот обрадуется, если полную корзину наберёт!

Аниска с Николькой на руках вышла на улицу. На лужайке под липой было тихо и пусто, только маленький рыжий телёнок нерешительно щипал траву. Солнце поднималось к полдням. Куры, раскрыв клюв, искали холодочка...

– Они теперь долго купаться будут... – прошептала Аниска, – долго, долго! Потому что жара... Но она придёт. Сказала приду – значит, придёт. Вот увидишь.

Светлана пришла. Только пришла она к Аниске уже после того, как все отобедали, после того, как снова позвонили колхозникам на работу. Светлана принесла свою куколку с розовым лицом и чёрными кудрями, плюшевого медвежонка и кукольную кроватку.

– Мы на крыльце будем играть? – спросила она. И тут же сама ответила: – Давай на крыльце. Вот тут будет моя комната. А в том углу – твоя. А Никольку посади на одеяло, пускай ползает. Выноси своих кукол.

– А у меня нету...

– Нету? Ну-у... Почему же у всех куклы есть, а у тебя нету?

– А на что они?

Светлана даже плечами пожала.

– Вот чудная ты, Аниса! А играть-то во что?

– А как в куклы играть? – сказала Аниска. – Они ведь тряпочные... неживые. Ну, что они умеют-то? Они даже пошевелиться не могут.

– Не могут! – повторила Светлана с лёгким нетерпением. – Ну и пусть не могут. А ты сама вместо куклы говори... Или нет. Лучше на тебе мишку, а то куклу разобьёшь ещё!

Игра сначала не ладилась. Светлана из своей квартиры звонила по телефону к Аниске. Но Аниска никогда не разговаривала по телефону и не знала, как отвечать. Она не знала, что должен делать мишка и что он должен говорить. Ей скучно и тесно было сидеть на крыльце, когда рядом на усадьбе было полно цветов, пели птицы, стрекотали кузнечики и столько всякого интересного, непонятого и милого живья копошилось кругом! Вот хоть бы этот паучок под застрехой – ишь какую паутину свил! Ниточки ровные, частые и блестят, будто радуга... Но что ж делать – Светлана не любит разглядывать каких-то пауков и какие-то паутины!..

Но всё равно. Аниска уступила без всякой обиды. Она научилась разговаривать по телефону, водила мишку за плюшевую лапу, приходила с ним в гости к Светлане и её кукле, готовила кушанья из головок сладкого клевера и из кислого щавеля.

И всё же среди самой оживлённой игры Аниска неожиданно сказала:

– Хочешь, пойдём на пруд? Я тебе покажу, как лягушки мух ловят.

Светлана удивилась:

– А на что мне?

Аниска покраснела: и в самом деле, а на что ей? Но ведь Аниска думала, что это интересно...

– А правда, что мне девочки рассказывали? – вдруг спросила Светлана. В блестящих глазах её светился смех.

– А что? – спросила Аниска.

– А про тебя. Будто ты, когда была маленькая, сидела на пруду с прутиком, лягушек пасла. Будто тебя пастушонок научил, а ты и поверила, что их пасти надо! – Светлана не выдержала, рассмеялась. – Правда?!

Аниска нахмурилась и не ответила. А она тогда почём знала, что их не надо пасти!

– Да, – вспомнила Светлана, – я же тебе заколочку принесла!

Она вытащила из кармашка маленькую блестящую заколочку, подобрала густые Анискины космы и заколола надо лбом.

– Ну вот видишь – и глядеть хорошо!

Аниска просветлела, заулыбалась, пощупала свои волосы и заколку в волосах...

На лужайке под липой слышались голоса. Что-то закричали, засмеялись.

Светлана насторожилась.

– Не уходи! – быстро сказала Аниска.

Но Светлана уже вскочила:

– Я сейчас! Я приду!

И побежала на лужайку. Аниска издали услышала её возглас:

– Ай! Белочка! Поймали белочку!..

Аниска и Николька долго ждали Светлану. Они сидели на ступеньках, кукла и мишка сидели рядом с ними. Голоса на лужайке вдруг затихли – видно, все убежали куда-то. Значит, Светлана сейчас придёт.

Но Светлана не приходила. Медленно прошёл час, начался другой. Незаметно собирались сумерки. Николька запросил каши. Аниска ждала и не уходила с крыльца.

На тропинке показался белобрысый Прошка.

– А девчонки где? – спросила Аниска.

Прошка флегматично ответил:

– В лес побегли. Белку пускать.

– А... Светлана?

– И она побегла.

Прошка ушёл. Из палисадника торчали обломанные ветки сиреневого куста. На них сидели и взапуски трещали молодые воробьи, будто смеялись над Аниской.

Аниска с минуту постояла молча, оглушённая гневом. Потом вырвала заколку из своих волос, бросила на дорожку и затоптала в пыль. Стиснув зубы, схватила Светланины игрушки, подбежала к палисаднику Тумановых и с яростью пошвыряла их через загородку. И плюшевого мишку, и кроватку, и куклу с чёрными кудрями. Аниска так боялась, что может нечаянно разбить эту куколку! А вот теперь швырнула её изо всех сил – и, если бы куколка

разбилась, она не пожалела бы! Пускай разобьётся! Пускай Светлана больше никогда не подружится с Аниской, пускай!

Вечером пришла мать с работы и никого не нашла в избе. Николька один лежал и агукал на широкой кровати.

Вскоре пришла Лиза.

– Кто с Николькой оставался? – сердито спросила мать. – Одного бросили!

– Косуля оставалась! – ответила Лиза. – А я избу убирала... А сейчас за водой схожу!..

Она схватила вёдра и убежала на колодец, пока ей не попало: в избе-то и совсем не было убрано!

А Косуля тем временем обнимала в перелеске свою ласковую берёзку, прижималась щекой к её прохладной коре и шептала, еле удерживая слёзы:

– Ой как мне скучно! Ой как мне скучно-скучно!

А вечер этот был субботний. В первый раз за всё лето Аниска сегодня не вышла за околицу встретить отца.

8. Воскресенье

Отец колот дрова. Сильные руки высоко вскидывали топор и легко, будто играючи, бросали его на круглый чурбак. Раз! И толстый чурбак развалился на две половины. Раз-раз – и вместо чурбака охапка поленьев.

Аниска подбирала свежие, пахнущие лесом дрова и носила их под навес. Там она складывала их в поленницу. Старалась укладывать ровно, чтобы поленница не развалилась.

Отец расколол все чурбаки, сел на завалинку покурить.

– Так где же это ты была, Аниска? – спросил он. – Мать жалуется – всё из дому убегаешь.

Аниска молчала, укладывала поленья. Отец спрашивал сердитым голосом, но Аниска знала, что это он её просто хочет попугать немножко, а сам ничуть на неё не сердится. Когда он был маленький, то так же, как Аниска, по целым дням в лесу пропадал.

Сквозь табачный дым на Аниску глядели прищуренные серые отцовские глаза. Это были добрые глаза большого, сильного человека, такого человека, который не обидит слабого, а за обиженного всегда заступится. Откуда ему знать, что Аниске трудно живётся на свете, что не умеет она дружить с девчонками, что терпит она от них всякие насмешки, а потому и убегает в лес, где каждый цветок ей улыбается и каждая птица кричит ей «здравствуй!»?

Аниска никогда не жаловалась отцу. Однако он знал всё, что у неё на душе, и никогда на неё не сердился.

Аниска укладывала дрова и молчала. Если бы не поссорилась она вчера со Светланой, сколько бы всего весёлого она могла рассказать отцу! А так что ж рассказывать? Ничего хорошего нет.

– Говорят, новая подружка у тебя завелась?.. А? – опять спросил отец.

Аниска бросила полено.

– А на что она мне? Пускай с другими девчонками водится. А что в ней хорошего-то? Зубы торчат, как у зайца. И не нужна она мне! И никто не нужен!..

Отец вздохнул:

– Эх, дочка, дочка. Нельзя так на свете жить. Плохо, когда тебе никто не нужен и ты никому не нужна. Уж как в этих делах разобраться – сам не пойму. Трудные это дела!

Из дома вышла мать с Николькой на руках. Она услышала его слова и усмехнулась.

– Страсть какие трудные дела – с девчонками не поладили! Есть о чём говорить – сейчас побранятся, сейчас и помирятся. Аниска сама крапива хорошая.

– Да ведь и крапива колется лишь тогда, когда её топчут да ломают... – ответил отец.

– Ну что выдумал!.. – Мать махнула рукой. – Будь к людям хорош, и люди к тебе хороши будут. А на обиды эти и вниманья обращать нечего – пустяки какие!

– А я ей не хороша была, да? – вдруг всхлипнула Аниска, и слёзы закапали на белые поленья.

Отец встал.

– Сходить в лес, сушнику посмотреть, подготовить... – сказал он, встал и засунул за пояс топор. – В то воскресенье лошадь обещали.

– Ну вот, – обиделась мать, – и так тебя по целым неделям не вижу!

А Аниска обрадовалась. Слёзы её сразу высохли.

– И я с тобой, папаня! Ладно?

– Ну, а как же! – отозвался отец.

– Оба чудные, – сказала мать и улыбнулась, покачав головой. – В лес каждый раз будто к празднику идут! Э-эх!

Аниска неподвижно стояла на полянке, озарённой солнцем, среди пышной пёстрой иван-да-марьи.

Деревья, полные солнечного спокойствия, окружали её, и откуда-то из зелёной чащи сыпался разноголосый птичий щебет. Аниска видела, как на белый цветок дикой петрушки вылез и уселся кремовый паучок-бокоход. Сел и сидит неподвижно – попробуй-ка, муха, разгляди врага!

Она слышала, как далеко-далеко стучит дятел по стволу дерева. Она различала сладкий запах пушистой розовой таволги, которая цвела среди кустов. Сердце её понемножку отогревалось, успокаивалось.

– Папаня, ау! – звонко закричала она.

– Э-ге-ге! – ответил ей отцовский голос из лесной гулкой дали.

Отец здесь, рядом. И весь день будет Аниска около него. Как хорошо, как весело, когда отец дома! Пускай только кто-нибудь нынче подразнит её! Пускай Лиза хоть пальцем тронет! Ага! При отце-то она побоится.

Легонько взмахнув густыми космами, Аниска пошла дальше, в лесную страну, – тихую, приветливую, ласковую...

На старой заросшей дороге Аниска увидела ежа. Он хлопотливо бежал ей навстречу.

– Куда ж, дурачок, бежишь прямо под ноги? – спросила Аниска. – А если б это не я была, а какие-нибудь мальчишки?

Ёжик был молодой, иглы у него были светлые, свежие и не острые. Он свернулся в клубок, Аниска легонько перевернула его.

– Ну, ну, не фыркай, я тебе только в лицо посмотрю. У, какой ты смешной! И глаза зажмурил. А нос-то чёрный да мягкий какой, как сливинка! Ну ладно, развёртывайся да иди куда шёл...

Ёжик открыл глазки, посмотрел на Аниску и опять зажмурился.

– Ну ладно, уйду, – сказала Аниска, – а то пролежишь тут, опоздаешь по своим делам...

И пошла дальше.

Муравьи чёрным ручейком текли куда-то, пересекая дорогу. Куда это они? Ага, на калину! А что там, на калине, мёдом намазано, что ли?

– Ты что нашла? – спросил отец, выходя из чащи.

Аниска молча поманила его к себе рукой.

– Гляди-ка... куда это они?

– А вот куда, – сказал отец, приглядевшись, – видишь?

На калиновых листьях, возле самого черешка, Аниска увидела красные бугорки. Вот к этим-то бугоркам и стремились муравьи. Они грызли их со всех сторон жадно и торопливо. На калиновый лист села глупая муха и поползла к этим бугоркам. Но муравьи, приподнявшись на задние лапы, замахали на неё передними и выставили свои свирепые челюсти:

«Не подходи! Загрызём!»

Муха попятилась и улетела в страхе.

– Ой, звери! – прошептала Аниска. – А что, если бы они большие были? Ну, если бы с корову? Вот-то страшны были бы! Ух, и страшны!..

– Страшней медведя были бы, – согласился отец.

К полудню, когда густой зной начал проливаться на лесные полянки, отец и Аниска дошли до ручья. Они уселись на бережку. Отец достал из кармана большой ломоть хлеба с солью, завёрнутый в газету, посмотрел вокруг:

– Кто хлеба хочет? Ну-ка?

– Ты кому – птицам? – засмеялась Аниска.

– Всем, кто попросит, – улыбнулся отец.

Он отломил половину ломтя Аниске. А от своей половины отщипнул мякиш и покрошил на сырую песчаную отмель.

– Может, какие пичужки съедят...

Аниска съела хлеб, запила водой из ручья.

Хорошо! Хорошо жить!.. Речка журчит. Таволгой пахнет. Отец сидит на бугорке, покуривает...

Аниска запела. Голос у неё был низкий и неверный. Если бы девчонки услышали, сейчас же начали бы смеяться. А если отец слышит – ничего. Он смеяться не будет.

В голубой вышине, играя солнечными огоньками, чуть-чуть трепетали тревожные листья осины. Аниска посмотрела на них и вдруг замолкла. Как жалко, что Светланы сейчас нет здесь. Сидели бы у ручейка, лежали бы на траве...

– Папаня, а где эти ронжи водятся? – сдвинув брови, спросила она. – Ведь ты правду сказал, что у нас эти птицы живут? С красными крыльями, а?

– Правду, – ответил отец, – а для чего же человеку неправду говорить?

– А как её найти? Вот я хожу, хожу, всё хочу эту ронжу увидеть...

– Красивая птица, – сказал отец. – Она, где сыро да глухо, от людей подальше своё гнездо вьёт.

– А поймать её можно?

– Нет. Поймать нельзя. Не поддастся. Да и на что её ловить? Пусть в лесу живёт. В неволе она жить не может. Умирает. Тоскует шибко.

– Мне нужно поймать ронжу.

Отец поглядел на Аниску:

– Это на что же тебе?

Аниска опустила глаза.

– Мне Светлане подарить надо. Это я не так тебе тогда сказала. Светлана хорошая. И зубки у неё хорошенькие...

– А говорила, не нужен тебе никто, а? – усмехнулся отец.

– Светлана нужна мне... – еле слышно прошептала Аниска. – Прямо знаешь как... До смерти!

– Эх, Аниска! – удивился отец. – Так чего ж ты? Сходи да помирись с ней. Вот давай лисичек наберём, ну и снесёшь ей гостинец. Ладно? * * *

Вечером Танюшка прибежала к Кате.

– Знаешь, а Косуля всё-таки чудная. Лисичек принесла – целый фартук – и все отдала Тумановым! Вот хочется ей со Светланой дружить, вот хочется, и всё. И что пристала?

– А Светлана что?

– А Светлана смеётся. Говорит: «То игрушки мои все покидала, а то как собачонка за мной бегаёт». Говорит: «Я и в Москве всем буду рассказывать...»

Катя сказала задумчиво:

– А когда Аниска за неё капусту полола, что ж она тогда не смеялась?..

Хоть и ленивая у Кати была душа, но тут и она не смолчала.

9. Аниска уходит из дому

Давно перестали петь соловьи, и кукушка в лесу примолкла. Наступил богатый июль месяц, с жаркими днями, с ясными зорями, с лесной земляникой и красной смородиной...

На лугах созрели травы. Начался покос. Тётка Прасковья опять позвала ребятишек:

– На Дмитров луг сено ворошить!

Аниска схватилась за грабли, но мать сказала:

– Подожди, подожди. На луг тебе идти не придётся.

Аниска нахмурилась:

– Лиза пойдёт, да?

– Лиза с Николькой будет.

– А я?

– А ты пойдёшь в Корешки. К тёте Анне.

– Что?!

Оказалось, что тётка Анна, материна сестра, наказывала прислать к ней кого-нибудь из девочек – Лизу или Аниску – на время покоса. У них косьбы много, а тётке Анне от маленького Гришутки никуда отойти нельзя. У них в Корешках, на беду, детский сад закрыли – заболел кто-то из ребятишек, там теперь карантин. Так вот, пусть придёт кто-нибудь, поживёт у неё недельку, Лиза или Аниска, пока жаркие дни стоят...

– Вот ты и пойдёшь, – закончила мать, – а то совсем одичала, дома не знаешь, в доме ничего делать не хочешь...

– Только и знает – в лес да в лес, – ввернула Лиза.

Аниска молча глядела на мать. Косые серые глаза её с большими ресницами были похожи на цветы.

Матери стало жаль Аниску, но сделать ничего было нельзя, она уже обещала тётке Анне. А чтобы скрыть слабость сердца, она сказала сурово:

– Ну, что глядишь? Собирайся. Авось не в чужое царство-государство уходишь! Вон они Корешки-то, с горы на гору видно!

– Я не буду из дому убегать, – сказала Аниска, – я боюсь в чужую деревню...

– Авось не съедят.

– Я буду с нашими девчонками... на покосе. Мамка, не посылай меня в Корешки!

Аниска отвернулась.

– Ну вот ещё – теперь слёзы! – сказала мать. – Как будто её из дому гонят. Через неделю опять со своими девчонками будешь, никуда они не денутся. На вот чистый платок, повяжись да и отправляйся. Вон уж и на работу звонят...

Мать с рук на руки отдала Лизе Никольку и поспешно вышла из избы. Глупая какая девка – плачет, будто на век из дому уходит! И не послала бы, да ведь обещано!

Лиза молча поглядывала на Аниску. Конечно, не очень-то хорошо, что Аниска уйдёт – Николька теперь так и будет на Лизиных руках.

– Мам, – сказала Лиза, – а почему это мы Никольку в ясли не отдадим? Отдали бы в ясли, да и всё!

– А что, у нас дома с Николькой посидеть некому, что ли? Пускай в ясли несут, кому ребёнка оставить не с кем. А у нас своих няnek хватает. Нечего в яслях место зря занимать!

Аниска повязалась белым платком с каёмочкой и со слезами на ресницах вышла на крыльцо. Девочки шли мимо с граблями на плечах. Светлана тоже была с ними и тоже, как настоящая колхозница, несла грабли на плече.

Аниска выбежала к дороге:

– Светлана!

Девочки остановились, обернулись.

– Что тебе? – спросила Светлана.

– Я в Корешки ухожу.

Светлана приподняла тонкие бровки:

– Ну, а я что? Я же не бригадир...

– Я ведь на все дни ухожу...

– Ну что ж, счастливо! – улыбнулась Светлана. – Приходи скорее! – И помахала рукой: – До свиданья!

Девочки пошли дальше. Верка затянула песню. Аниска постояла, посмотрела им вслед. Но видела она только одну Светлану, её светлую голову, её голубое платье.

Потом повернулась и молча, с тяжелым сердцем пошла по дороге в Корешки.

Неожиданно, уже под горой, её догнала Катя.

Аниска оглянулась на её голос и хмуро ждала, что она скажет.

Катя, запыхавшись, подбежала к ней и протянула ей книжку в пёстрой обложке. Это была любимая Катина книжка сказок, которую она берегла и никогда никому не давала.

– Возьми с собой, – сказала она Аниске каким-то незнакомым тёплым голосом, – а то, может, тебе скучно будет! Потом отдашь.

У Аниски посветлели глаза. Она взяла книгу и в изумлении смотрела на Катю, не зная, что сказать.

Но Катя и не стала ждать её слов. Она повернулась и побежала по тропочке на гору сквозь

кусты, подпираясь граблями.

10. Царство-государство

Толстоногий Гришутка был непоседа. То он старался влезть на подоконник и сваливался оттуда, то застревал где-нибудь в щели забора, то забредал в крапиву и ревел там на всю деревню. Аниске часто хотелось нашлёпать ему хорошенько, но Гришутка был ябеда, живо всё матери расскажет. А тётка Анна сердитая, долго думать не будет, сейчас и даст подзатыльник.

Аниске казалось, что нет ни одной деревни хуже, чем Корешки, – улица бугристая, избы неприветливые, пруд совсем зелёный, набитый тиной и ряской... А лес так далеко, что, пока дойдёшь, тебя солнцем испечёт, как картофелину.

Тётка Анна целые дни проводила на покосе. Крепкий запах сена доносился и в деревню. В деревне стояла сонная скучная тишина.

Аниске представлялось, как в Зелёных Горках весёлая бригада работает на сенокосе – ворошат, подгребают, складывают скирдушки... Поспевает ли за ними Светлана? Наверно, нет – ведь она и охапки-то таскать не умеет.

Издали всё кажется хорошо. Аниска забыла, как девчонки дразнили её Косулей, как не принимали играть, как Светлана убегала от неё... А если когда и вспоминала об этом, то не сердилась. И кроме того, там были субботы и воскресенья, когда приходил отец домой!

Знойные тягучие дни были безнадежно тоскливы. Аниске казалось, что она уж так давно ушла из дому, что, пожалуй, теперь даже и дорогу забыла в Зелёные Горки. А до конца покоса было ещё очень далеко. И, если бы не Катина книжка – неизвестно, как Аниска терпела бы эту тоску.

Однажды утром Гришутка разбил чайную чашку. Аниска собрала черепки и закинула в крапиву. А после обеда, только ушла тётка Анна, Гришутка залез в шкаф и рассыпал крупу.

– У, баловник! – рассердилась Аниска. – Вот убегу от тебя!

Она собрала крупу, закрыла шкаф и взяла Гришутку за руку:

– Пойдем. Ты в избе только бедокуришь.

Они вышли на скошенные усадьбы. Эти усадьбы лежали светлые, пустые и немножко печальные. Аниска потащила Гришутку дальше по тропочке – в поле. Тропочка привела их в рожь. Бледно-жёлтые блестящие стебли густо и высоко поднимались по сторонам, колосья ласково шуршали над головой, задевали волосы, а вверху синела жаркая полоска неба.

– Мы куда? – спросил Гришутка.

Аниска не ответила. Гришутка дёрнул её за платье.

– Куда мы? – закричал он. – Я не хочу! Жарко!

– Не кричи, – сказала Аниска, – я тебе царство-государство покажу.

Гришутке сразу стало интересно.

– Какое царство?

– Вот придём, увидишь.

Гришутка прибавил шагу.

Они долго шли через ржаное поле. Голым пяткам было горячо ступать по твёрдой белой дорожке. Рожь дышала им в лицо жарким запахом созревающих колосьев. Сладко пахли васильки и розовая кашка, которая густо цвела в зелёной меже... У Гришутки пот каплями сбегал от висков по щекам, оставляя тёмные полосы. Но он щурил глаза и упрямо шагал вперёд – уж очень хотелось посмотреть, какое это царство-государство.

Наконец поле кончилось. Гришутка поглядел на Аниску:

– Ну скоро?

– Скоро. За рощицей.

Рощицу, всю белую от молодых берёзок, миновали незаметно и вышли на высокий, ещё не кошенный бугор. Аниска опустилась на колени, обняла Гришутку за плечи:

– Смотри. Вон за полями... И за тем лесочком. Видишь?

Гришутка даже шею вытянул, чтобы увидеть царство.

– А где же? Ну, а где же?..

И вдруг увидел. За светло-зелёными льнами, за клеверами, подёрнутыми красным цветом, за тёмными острыми ёлками на солнечной горе виднелись коньки крыш...

– Вижу! Царство-государство вижу!

– Ну вот же... – ласково сказала Аниска, – говорила же тебе!

И будто забыла о Гришутке. Подперлась руками и загляделась на далёкие крыши. Наконец Гришутка спросил:

– Тебе туда хочется?

Аниска ответила со вздохом:

– Ой, хочется!

– А пойдём!

– Что ты! Мать заругает. Уж и так мы с тобой далеко зашли.

Но, вместо того чтобы встать, Аниска снова задумалась, глядя на это царство-государство.

Гришутке надоело.

– Пойдём... – заныл он, – домой хочу-у!

Аниска встала.

– Прощайте, – негромко сказала она кому-то и кивнула головой, – прощайте.

Взяла Гришутку за руку, и они снова пошли обратно. Когда прошли половину рощи, Гришутка спросил:

- А ты с кем прощалась?
 - А с теми, кто там живёт.
 - Они тебя знают?
 - Знают.
 - А там крыши драночные?
 - Нет. Золотые.
 - А избы?
 - А избы из пряников.
 - А как это царство зовут?
 - Это царство – Зелёные Горки, – сказала Аниска. – Видишь, как хорошо? Зелёные Горки.
- Вышли из рощицы, и снова солнце яростно принялось жарить им лица.
- В рожь идти, как в горячую печку! – сказал Гришутка и надул губы.
 - Ничего, – сказала Аниска, – скоро дождик пойдёт.
 - А туча где?

Аниска мотнула головой:

- А вон за лесом.
- У! Эта туча завтра придёт!
- Нет. Скоро придёт.
- А ты почём знаешь?
- А мне вот они сказали.

Аниска показала ему на колокольчики. Нежные цветы поникли на своих тонких стебельках.

- Думаешь, от жары завяли? Нет. Нагнулись просто – дождя боятся. Вот и эти тоже.

Она раздвинула траву, и Гришутка увидел маленький белый цветок, который сжал свои лепестки будто на ночь и повернулся книзу. Голубой журавельник тоже наклонил к земле свои широкие простодушные цветы.

- Видишь – зажмурились? Уж это обязательно дождик будет. Это они знают. Как бы нас в поле не застал!

Она посадила Гришутку на загорбок и припустилась бегом через широкое ржаное поле.

11. Пироги с морковью

Цветы сказали правду: к вечеру зашумел проливной дождь. Дождик шёл всю ночь, и утро наступило пасмурное. Сено разваливать было нельзя.

Тётка Анна была рада отдохнуть от покоса. Она стряпала, месила тесто, прибиралась в избе и так чистила и скребла, будто год не была дома.

Гришутка сидел на лавке, ждал, когда поспеют пироги.

– А царство-государство знаешь как называется? – неожиданно спросил он у матери.

Тётка Анна удивилась:

– Какое царство?

– А такое. Знаешь как? Зелёные Горки. Мы с Аниской ходили смотреть.

Тётка Анна поглядела на Аниску:

– Ты что ж – заскучала, что ли?

Аниска покраснела, опустила голову.

– Скоро соскучилась, – недовольно сказала тётка Анна. – Эва какую даль парня по жаре таскала!

Наступило молчание. Только горшки и кринки побрякивали в руках тётки Анны.

– Дождик на улице-то... – наконец пробормотала Аниска.

– Ну, а что из этого?

– Покосу-то нету...

– Домой, что ли, сбегать хочется? Ну что ж, иди. Вот возьми пирог да ступай. Но смотри, завтра обратно!

Аниска торопливо повязала платок.

Тётка Анна достала из печки пироги, выбрала один с пригаринкой и положила на стол.

– На вот. Только и глядит, как бы домой... И куда идёт, когда дождик вот-вот опять брызнет!

Аниска взяла пирог. Но уходить медлила. Она глядела в окно, как бы стараясь понять – брызнет сейчас дождь или нет?

Тётка Анна вышла зачем-то в чулан. Тут Аниска бросилась к противню, схватила ещё два пирога и сунула их под фартук.

– Прощайте, – крикнула она с крыльца, – я пошла!

Гришутка высунулся в окно:

– Ты куда?

Аниска махнула рукой:

– В Зелёные Горки!

– И я! – завизжал и завопил Гришутка. – И я с тобой! И я хочу!

Но Аниска, шлёпая пятками по сырой тропинке, уже мчалась усадьбами. Аниске хотелось превратиться в жеребёнка, тогда бы она эти пять километров проскакала вприпрыжку и ни разу не отдохнула бы. Или сделаться бы птицей – это ещё лучше! Прямо над лесами, над полями, над оврагами... Бросили же гуси-лебеди девушке по пёрышку, и вот сделалась же она птицей!

Аниска посмотрела на небо. Ни одной птицы не было видно под светло-серыми облаками, даже певучий жаворонок спрятался куда-то, испугался дождя.

Идти было неспособно, ноги скользили по сырým тропинкам. Спускаясь с бугра за рощей, Аниска два раза упала, а потом замывала платье в ручье. Воздух был влажный и тёплый, от земли поднимался пар, сквозь облака мягко просеивалось солнце, над сладкоцветущим клевером гудели шмели... Озарённый, счастливый день раскрывался перед Аниской.

Чем ближе к Зелёным Горкам, тем приветливей становилась дорога. Вот и река с узкими и шаткими лавами. Здесь под лавами они купаются в жару. А вон там уже видны капустные огороды, которые они пололи... Как давно это было!

Аниска торопливо поднялась сквозь кусты на горку – вот и деревня!

Мать встретила её немножко удивлённо.

– Ты что? Разве там покос кончился?

– Нет, – сказала Аниска, – только ведь дождик же... А завтра обратно пойду. Вот тётка Анна пирог дала.

– Только один? – спросила Лиза.

Аниска не ответила.

– Ох, глупая, – улыбнулась мать, – неужели без дому и недели прожить нельзя? Ну садись, поешь.

– А потом Никольку бери... – добавила Лиза.

У Лизы моментально создался план – сейчас она сдаст Никольку, а сама к Верке, а с Веркой за ягодами...

Но, оглянувшись через минуту, Лиза увидела, что Аниски уже нет в избе.

Аниска и Светлана сидели на крыльце у Тумановых. Светлана неожиданно для самой себя обрадовалась Аниске. Она не скучала об Аниске, но всё же ей чего-то не хватало в эти дни. Особенно на работе. Танюшка прямо засмеяла её – то она грабли не так держит, то подгребает не чисто... А Катя тоже: «Что, некому за тебя поработать?» Ехидная такая!

– Ты не уходи больше, – сказала Светлана.

Но Аниска покачала опущенной головой:

– Мать велит. А то тётка Анна рассердится...

– Как хорошо – кругом пасмурно! – улыбнулась Светлана, поглядев на небо. – Может, и завтра покосу не будет. Только за ягодами сыро...

– Скоро малина поспеет, – сказала Аниска, – вот я тебя поведу... Ведро набрать можно!

– Ведро?!

Светлана с радости даже обняла Аниску.

Аниска, улыбаясь, развернула свой фартук.

– А я тебе гостинца принесла!

И подала ей два толстых ржаных пирога.

– Ой, куда мне столько? – засмеялась Светлана. – Да они же чёрные!..

Аниска омрачилась:

– А они всё-таки ничего. Они с морковью. Ты попробуй!

Светлана попробовала и сморщила свой защипнутый носик.

– Так себе... Ну-ка, а другой такой же?

У калитки неожиданно появилась Лиза. Она своими острыми мышинными глазками увидела пироги – один на коленях у Аниски, другой у Светланы в руках.

– Ага, – крикнула она, – а сказала, что тётка Анна один прислала! Ага! Скажу мамке! Тётка Анна три прислала!

– А вот и нет, – покраснев, ответила Аниска, – тётка Анна один дала!

– А эти два откуда же? Не тётка Анна дала? Нет?

– Нет.

– А кто же?

– Никто.

– Значит, сама взяла, да?

Аниска замолчала и покраснела ещё больше.

– Утащила, значит?

Аниска испуганно взглянула на Светлану.

Светлана опустила руку с пирогом и перестала жевать.

– Эх, ты, и не стыдно! – сказала Лиза. – Вот Косуля! Сейчас пойду скажу мамке, что пироги таскаешь!

И убежала.

Светлана обиженно поджала губы.

– Что ж ты мне... какие пироги приносишь? На вот, возьми, пожалуйста.

Она положила пирог Аниске на колени и встала. Во двор вошла Катя.

– Аниска пришла? Больше не уйдёшь?

Аниска не ответила и не подняла глаз. Катя поглядела на одну, поглядела на другую.

– Поругались, да? Всё, как петухи.

– Ничего не поругались, – оттопырив маленькие губы, ответила Светлана, – а просто я с ней больше не вожусь...

– А почему же?

– А потому же. Сами потом скажете, что я с жульницей вожусь.

– Аниска, – сказала Катя, – а ты разве жульница?

– Да, – сказала Аниска и ещё ниже опустила голову.

Катя удивлённо посмотрела на неё:

– Как это?

– А так, – подхватила Светлана, – у тётки пироги утащила.

Катя немножко помедлила, подумала. И вдруг рассердилась и всё её ленивое спокойствие исчезло.

– Она же для тебя принесла! А если бы не ты, то и не взяла бы их никогда! А уж ты скорей «жульница»! Тоже слово какое нашла! Да я бы на Анискином месте и водиться-то с тобой ни одного дня не стала бы, даже ни одной минуточки!

Катя круто повернулась и пошла прочь. Светлана вскочила и побежала за ней – она вовсе не хотела ссориться с Катей. Аниска глядела им вслед, не трогаясь с места.

Возле пруда, в большой тёплой луже Танюшка, Верка и белобрысый Прошка делали мельницу. Катя и Светлана вошли в лужу. Танюшка и Верка поднялись им навстречу. И Прошка присунулся. Стоят всей кучкой, говорят что-то и поглядывают в Анискину сторону.

Аниска медленно завернула в фартук пироги с морковью, встала и, не оглядываясь, пошла домой. Ей хотелось спрятаться где-нибудь на задворках, лечь, закрыть глаза и забыть всё так, чтоб совсем отняло память.

Мать увидела её в окно.

– Что это Лиза про пироги говорит? – закричала было она. Но поглядела в туманные Анискины глаза и сразу сбавила голос. – Ты что? Ай, заболела? Ступай-ка на печку, прогрейся хорошенько!

Аниска молча положила на лавку надкусанные пироги и залезла на печку. Она долго смотрела в потолок. Мать расспрашивала про тётку Анну, про Гришутку, про харчи. Аниска отвечала односложно, думая о своём. Потом вдруг заплакала.

– Ты о чём? – встревожилась мать. – Тётка Анна обижает, что ли?

– Нет.

– А чего ж тогда?

– Я ведь не украли пироги-то... Я взяла просто – их ведь там было много...

– Ах, вон что! Ну, а зачем взяла-то, разве тебе их не дали?

– Нужно мне было.

– Попросить надо. Кто ж так-то берёт? Разве можно?

– Да она не дала бы.

– А может, и дала бы. А раз не дала – самой брать нельзя! Хоть бы и не для себя...

Аниска, наклонясь с печки, поглядела на мать:

– Мамка... А тебе кто сказал, что я не для себя?

– Ну, кто сказал – сама вижу. Подружке небось принесла. А ей-то наши пироги не больно нужны! Глупая ты у меня, Аниска! Трудно тебе будет на свете жить. Э-эх! Сердце у тебя всё наружу – кто захочет, тот и поранит. – И тут же прервала себя: – Ну, не в этом дело. Нужны или не нужны ей пироги, а без спросу брать ничего нельзя. Придёшь к тётке Анне – скажи, что взяла. А ругаться будет – ну что ж, терпи. За дело. Вперёд умнее будешь. Скажи непременно, слышишь?

Аниска ответила со вздохом:

– Скажу.

Теплота приятно размаривала и нежила. Но лишь только Аниска начинала дремать – воспоминание о том, что случилось, как булавкой кололо в сердце. И она снова открывала глаза.

«Жульница!»

12. Куда плывут облака

Дни в Корешках жаркие, медленные, как смола, текущая по стволу, как облака, идущие по небу...

Аниска сидела на бугорке над рекой. Гришутка играл на песке, у самой воды. Он отыскивал в песке крошечные раковины, гладкие камушки, чёртовы пальцы и складывал всё это на круглом глянцевице листе кувшинки.

Аниска сушила мокрые от купания волосы. Они очень отросли за лето и крупными завитками лежали по плечам.

Отсюда, с бугорка, далеко видно. На том берегу кусты растут островками, а между кустов, на солнечных полянках, корешковские колхозники сушат сено. Аниска никого не знает, даже девчонок не знает. В первый же день, когда она только что появилась в Корешках и пришла на колодец, одна корешковская девочка сразу высмеяла её:

– Ты куда глядишь – на меня или на тётку Марью?

Стоявшая тут суровая тётка Марья осадила девчонку:

– Эко, язык-то у тебя вредный!

Девчонка застеснялась:

– Да ведь я так, я шуткой!

Но Аниска уже больше ни разу не пошла на колодец в то время, когда там был народ.

Она считала дни. Оставалось немного – последний лужок за рекой, вот этот самый. Аниске видно было, как вдаль по ровному лугу ходили конные грабли, загребая длинные пушистые валы. Ближе к берегу, где росли кусты, колхозницы таскали сено охапками. Вон в синем платке тётка Анна. Высокая, худощавая, она широко взмахивает граблями. Вон набрала охапку, потащила. Ну и охапка – с полвоза будет! И откуда у неё сила такая?

Аниска мельком взглянула на Гришутку. Гришутка втыкал в песок зелёные ветки – может быть, устраивал сад. Солнце припекало, размаривало. Аниска подняла глаза к белым облакам, и сразу её мысли потекли куда-то далеко – от Корешков, от покоса, от Гришутки, – вслед за белыми холмистыми облаками... Куда они идут? Куда плывут они, словно большие гуси-лебеди по глубокой голубой воде?

Учительница рассказывала, что иногда облака идут низко, даже садятся на верхушки гор. А на горах домики. Вот сядет облако возле домика. Люди утром проснутся – что такое? Солнца не видно. Открыли окно – а в окно облако лезет...

Неожиданно резкий крик прозвенел над рекой. Аниска вскочила, взглянула вниз – Гришутки на песке не было. А на том берегу маленькая черноволосая женщина кричала, хватаясь за щёки:

– Ой, утонул! Ой, утонул!

Аниска скатилась с бугорка. Гришутка барахтался в осоке. Он не кричал, а только кряхтел с испуга. Аниска вытащила его на берег. Руки у неё дрожали, когда она снимала с него мокрую, с налипшей тиной, рубашку.

На крик со всех покосных полянок бежали женщины. Впереди – тётка Анна.

– Где? Где? – хрипло кричала она.

И едва поверила своим глазам, когда увидела на том берегу своего толстого Гришутку, который голышом сидел в траве и даже не плакал.

– В воде был! Сама видела – разрази меня гроза! – тараторила чёрненькая женщина. – Уже нырял, уж совсем воду хлебал, вот разбей меня гром!

– Иди домой! – крикнула тётка Анна Аниске. – Чтоб ноги твоей не было у речки!

Женщины вернулись на покос. Тётка Анна тоже ушла, но, уходя, погрозилась граблями.

– Пойдём! Скорей! – торопила Аниска.

Но Гришутка упирался:

– А что я, голый пойду, да?

– Ну и что же? Не замёрзнешь.

– А вороны утащат!

Но Аниска уговорила его. Они шли рядышком. Гришутка скоро и позабыл совсем, что он голый, – бегал за бабочками, ловил кузнечиков, разглядывал мышьи норки...

Аниска сушила на ветру его рубашку, неся её над головой. А когда подошли к усадьбам, рубашка уже высохла и Гришутка оделся.

Аниска с трепетом ждала, когда придёт тётка Анна.

«Может, она до вечера-то забудет, – думалось ей, – а хоть и не забудет – всё-таки не так уж будет злиться!»

Но тётка Анна, хоть и вернулась домой очень поздно, всё-таки ничего не забыла.

– Завтра же домой отправляйся! – сурово сказала она. – Завтра же! – И пробормотала вполголоса: – С дураками свяжешься – только горя наживёшь.

Утром Аниска ушла домой. Как она ждала этого дня! А день-то этот получился грустный. Даже спасибо ей не сказали за все эти долгие томительные часы, за то, что потешала Гришутку, за то, что убиралась в избе, за то, что так молчаливо тосковала по дому... Ни одного хорошего словечка ей не сказали!

Только одно порадовало: Гришутка догнал её и сунул ей в руку обсосанную конфетку. И пробурчал на прощание:

– Как вырасту большой, так и я к тебе в царство-государство приду!

Аниска улыбнулась ему:

– Ладно. Обязательно приходи. Я ждать буду!

И пошла. Хотела ещё что-нибудь сказать милому светлоглазому парнишке, но только махнула рукой и торопливо зашагала по тропинке.

Сухая жёлтая рожь кланялась ей налитым колосом.

«Скоро жниво... – подумала Аниска. – Малина поспела... Теперь на Ясной вырубке что делается! Если б не пироги эти!..»

Воспоминание о пирогах вызвало снова чувство тоски и недоумения – хотела порадовать Светлану, а только рассердила и сама оказалась жульницей... Но за эти пироги она уж расплатилась ещё раз – тётка Анна тогда целых полдня ругала и стыдила её. Неужели и этого ещё мало?

13. Трудная дружба

Аниска не знала, какой разговор произошёл возле большой тёплой лужи, в которой торчали крупные стебли золотого, уже отцветшего чистяка. А разговор был такой. Первой начала Светлана, потому что Катя молчала и глядела в сторону.

– Вы подумайте, девочки! Украли пироги и принесла мне. Ну, я и откусила – я же ведь не знала, что они утащенные!

Танюшка всплеснула руками:

– Украли! Воровка! Надо смотреть за ней, а то придёт да чего-нибудь украдёт!

– Она не воровка, – сказала Катя, – и ничего не украдёт. Не придумывай.

Это неожиданное возражение сбило Танюшку, и она умолкла.

Светлана обиделась:

– А ты что думаешь – я неправду говорю, да? Она же при тебе созналась, что жульница!

Но Катя, не отвечая, повернулась и пошла – пошлёпала по тёплой луже.

– Теперь Косуле попадёт!.. – сунулся было Прошка.

Но Верка оборвала его:

– Смотри, как бы тебе самому от Косули не попало.

Друг за другом побрели по воде. Снимали с чистяка коричневые коробочки с семенами. Потом собрались в кружок и стали считать, у кого этих коробочек больше. Светлана тоже ходила с ними и тоже собирала коробочки... Почему это никто не возмутился вместе с нею, как будто она зря наговорила на Аниску? А может, и правда зря?

Скорее всего, поэтому и случилось так, что когда Аниска вошла в свою деревню – ей пришлось и удивиться и обрадоваться: Светлана встретила её с улыбкой.

– Совсем пришла, да? Вот и хорошо! Теперь пойдём за малиной – помнишь, ты меня в какое-то местечко отвести собиралась?

Есть в лесу потаённый уголок. Туда ведёт только узенькая, полужаросшая тропочка, да и ту мало кто знает.

Идти туда надо сумрачным ельником, пробираться сквозь заросли можжевельных кустов, прокладывая путь среди густых спесивых папоротников. Светлана шла следом за Аниской, поторапливаясь, чтобы не отстать, и в то же время робко поглядывала кругом. Ей казалось, что лес становится всё угрюмей, какие-то сухие ёлки – снизу совсем нет ни веток, ни зелени, только лохматая макушка темнеет где-то наверху. И так они густо растут, что и неба не видно.

Иногда путь преграждала валежина – рыжая, суковатая, с торчащими корнями... А то возвышался на пути огромный муравейник. Светлана обегала далеко стороной, потому что боялась муравьев, и тогда Аниска ждала её.

– Ой, этому лесу конца нет! – крикнула Светлана, уморившись. – Ты заблудилась, наверно!

– Лесу конца нет, – ответила Аниска, – а нашей дороге конец есть. Видишь – светлеет?

Лес расступился как-то внезапно и встал по сторонам со своим сумраком, холодком и сырыми травами. Щедрое солнце заливало вырубку, полную пней и малиновых зарослей. Малинник пышно заполнил поляну, и даже издали было видно, что тонкие белёсые ветки гнутся от красных ягод. Светлана захолопала в ладоши:

– Ой, сколько! Ой, я с ума сойду!

Девочки приподнимали ветки, прозрачные алые ягоды сами ложились в руку. А тёмные, перезрелые – не успеешь подхватить, только дотронешься, а уж они падают вниз, в спутанную траву. Очень скоро кринки стали полны, а на языке появилась оскомина. Но сладкие ягоды манили и не отпускали и не давали уйти...

Всё шло хорошо и весело до той минуты, когда из малинника выпорхнула птичка-славочка. Светлана даже вздрогнула – чуть не из-под руки порскнула эта птичка.

– Тут, значит, гнёздышко есть, – сказала Аниска, – отойди.

– Почему же – отойди? – возразила Светлана. – Я хочу посмотреть!

– Отойди, не надо. Эти птички очень пугливые...

– А я хочу!

– Ну ведь она может совсем гнёздышко бросить! Знаешь, эта птичка какая? Потрогаешь гнёздышко рукой, а она уж и не сядет. А вдруг там детки? Останутся без матери. Нет, нельзя.

– А я посмотрю!

Аниска встала между кустом и Светланой.

– А! Не даёшь? Не буду с тобой водиться! И даже разговаривать не буду. Покажи мне дорогу, я домой пойду!

– И я пойду...

– Нет! Я одна пойду!

У Аниски потемнело лицо. Вдруг душной и тесной показалась вырубка и стало непонятным – для чего здесь родилось столько малины, если её и собирать некому?..

Аниска вывела Светлану на тропочку. Светлана шла, вздёрнув испачканные малиной губы. Аниске было невесело. Ну что ж – значит, дружбе опять конец. Очень хотелось заплакать, но Аниска крепилась, и светлые глаза её блестели от удержанных слёз. Ну пусть Светлана не разговаривает с ней, пусть не водится. Всё равно Аниска больше не знает, что ещё для неё сделать.

Обратный путь показался ещё длиннее. Светлана скоро начала уставать. Она останавливалась, пристраивала кринку где-нибудь возле пёнышка, обмахивалась вышитым фартуком, вытирала пот со лба. А потом снова со вздохом брала кринку и молча шла дальше.

Там, где тропочка через овраг пошла в гору, Аниска нерешительно предложила:

– Давай, я твою малину понесу?

Светлана, не глядя, протянула ей кринку, и Аниска сразу повеселела.

Прошли болотце, и сухую валежину, и рыжий муравейник... Сквозь деревья замелькало светло-жёлтое поле.

– А хочешь, я тебе свою малину отдам? – сказала Аниска. – Мне ничуть не жалко. Ничуть даже!

Светлана потрясла косичками:

– Нет, спасибо.

Хоть и скупно она разговаривала, но всё же Аниска заметила, что голос её стал помягче и синенькие глазки глядят приветливей.

У околицы Светлана повернулась к ней:

– Ну, теперь давай. Сама донесу.

Аниска отдала кринку. Вот сейчас уйдёт её капризная подружка, как тогда с ней помириться?

– А хочешь, я тебе яблоков из сада принесу?

Светлана с усмешкой покосилась на неё:

– Утащишь?

– Нет. Не утащу. У сторожа выпрошу. Возьмёшь?

– Не возьму. Это нищие выпрашивают.

Несколько шагов прошли молча.

– А если я ронжу поймаю, – вдруг сказала Аниска, – возьмёшь?

Светлана фыркнула:

– Так и поймала!

– А если поймаю?

– Ну поймай.

– А возьмёшь?

– Возьму.

– Ну так я поймаю. Поймаю, вот увидишь. Пойду и поймаю!

14. Ронжа

В эти дни в своих скитаниях по лесу Аниска увидела, что многое в лесу изменилось. На полянках уже не было ягод. Облетели малиновые цветы иван-чая. И злое деревце – волчье лыко – украсилось яркими, алыми ягодами. Если попробуешь такую ягоду – на языке вздуется пузырь. А если съешь этих ягод побольше – то замучаешься и умрёшь. Среди вершин ещё порхали птицы, но песен уже совсем не было слышно. И Аниска с неясной тревогой и печалью поняла, что лето проходит...

Но где же эта краснокрылая ронжа вьёт своё гнездо? Там, где глухо и сыро и подальше от людей, – вот где она вьёт гнездо и выводит деток.

Аниска ходила по лесу каждый день. С утра работала с девочками в поле – подтаскивала снопы, подгребала солому... А когда кончали работу и девочки бежали на речку – Аниска молча замедляла шаг и поворачивалась к лесу.

Как-то раз Танюшка пристала к ней:

– Чего ты всё ходишь туда, ну скажи? Ну чего ты всё одна ходишь?

Аниска упёрлась взглядом в землю:

– Хожу – значит, надо.

– Да чего тебе там надо? Клад, что ли, ищешь?

Аниска повторила упрямо:

– Надо мне. Надо. И не лезь.

– Ну ищи, ищи, – засмеялась Танюшка. – Может, найдёшь сундук с золотом!

– Она мне ронжу ловит! – объяснила Светлана девочкам.

Те посмеялись, и больше никто не приставал к Аниске.

Только Светлана иногда спрашивала с усмешкой:

– Ну, что же? Всё ещё не поймала ронжу? А я жду!

И при этом незаметно подмаргивала девочкам.

Так проходили дни. Начало осени уже возвещало о себе тонкими радужными паутинками, которые медленно проплывали над полями.

Аниска становилась всё угрюмее. Она обошла лес и рощу, заглянула во все овраги, и ближние и дальние, лазила в чащобу молодого ельника, вязла в болоте... Каждый вечер она, не дождавшись ужина, засыпала от усталости. Лиза жаловалась на неё, сонную. Мать грозилась по утрам, что если Аниска опять после работы убежит в лес, то она не даст ей обеда... Аниска всё терпела, и всё напрасно. Ронжи не было.

В сырой пасмурный день, когда можно было поспать подольше, Аниску разбудила одна острая мысль:

«А Лощины! Дальние Лощины – что же я туда-то не ходила?! Там глухо и сыро и от людей далеко!»

Аниска бесшумно соскользнула с кровати.

Лиза, уверенная, что уж сегодня-то ей ни в коем случае не придётся сидеть с Николькой, сладко спала, приоткрыв рот.

Улучив минутку, когда мать вышла в сени, Аниска вылезла в окно и скрылась.

Ольховые кусты под росой сверкали, будто отделанные серебром. Острые горьковатые запахи стояли в прохладной чаще. Иногда на пути попадалась осинка, тронутая красной краской. И тогда Аниске хотелось остановиться и смотреть на неё неизвестно сколько времени...

Аниска долго шла по лесной дороге. Потом дорога пропала в сырых овражках, в густом папоротнике. Вот и Лощины – глухое место. Высокие старые ёлки верхушками глядели в небо. А внизу под ёлками было тихо и сумрачно.

Аниска вышла на полянку, заросшую жёстким голубым цикорием, похожую на голубой прудок, затаившийся в лесу. Она присела на сухую валежину и упёрлась лбом в свои шершавые ладони. Где-то высоко над головой лепетала осина, пинькали синицы... Аниска вдруг почувствовала, что она очень устала.

«Не буду больше искать ронжу, – решила она. – Ну что ж, пусть не дружится. Не буду».

Она встала и медленно пошла через полянку. Лесная трава стояла по пояс.

Вдруг шевельнулась, закачалась еловая ветка. Аниска подняла глаза: на большом старом дереве, покрытом волокнистыми голубыми лишаями, сидела необыкновенная птица. Она, словно большой яркий цветок, как-то боком висела на суку и поглядывала на Аниску. Чёрная как бархат шапочка, светло-зеленоватая грудка, красное перо в крыле...

Аниска перестала дышать.

«Ронжа?»

Птица, легко вспорхнув, развернула крылья, и Аниске показалось, что она сейчас ослепнет от этой красоты. Красные, как огонь, были у этой птицы крылья, красный, как огонь, был у неё хвост! Она тихо, бесшумно скользнула над полянкой и скрылась в густой древесной листве.

«Ронжа!»

Аниске хотелось кричать от радости. Но она затаила дух и крадучись подошла к дереву, покрытому лишаями. Прижавшись к стволу, она долго глядела вверх, разглядывая старые сучья. Не здесь ли спрятала ронжа своё гнездо?

И Аниска увидела это гнездо. Оно чернело вверху среди густых веток, прижатое к самому стволу. Там должны быть детки. Большие уже должны быть детки – лето на исходе!

Аниска подобрала подол, заткнула за пояс и полезла на корявую смолистую ёлку. Обдираясь о сучья, морщась от сухой хвои, которая набивалась ей в волосы и сыпалась в глаза, Аниска упрямо лезла всё выше и выше. Она карабкалась трудно, долго. А когда уселась на большом суку передохнуть и подняла глаза, то увидела, что гнездо уже совсем близко, над самой её головой. Она перебралась повыше и заглянула в гнездо.

Аниска не ошиблась – в гнезде сидели птенцы. Они уже оперились. Но что такое?

Тускло-серые, чуть рыжеватые к хвосту, они вовсе не были красивы. У них не было красных перьев на крыльях, а хвостов и совсем ещё не было видно. Куцые глупые птенцы доверчиво и беспомощно глядели из гнезда на Аниску.

– Бедненькие! Ну как же я возьму вас от матери? – сказала Аниска. – Ой, как же мне быть?!

У неё не поднималась рука взять птенца из гнезда. Вот, сколько она искала эту ронжу, сколько мучилась! А когда нашла – не может взять! Аниске хотелось плакать.

«А зачем их ловить? Ронжа не может жить в неволе. Умрёт от тоски по лесу...»

Это отец сказал Аниске. Но что же ей теперь делать, если она обещала Светлане?

Аниска стиснула зубы и запустила руку в гнездо. Птенцы тревожно затрепетали крыльями, один вырвался из гнезда и взлетел. Аниска схватила его.

Вдруг закачались ветки и красная птица с пронзительным криком кинулась к Аниске. Она кричала, словно звала на помощь. Она чуть не касалась крыльями Анискиных волос...

Тёплое маленькое тельце птенца дрожало в руках, и в нём изо всех сил билось сердце. Аниска нежно коснулась губами бархатной головки.

– Не бойся. Я тебя не обижу...

Бережно завернув птенца в фартук, Аниска спустилась с дерева и пошла через высокие травы. А красная птица ещё долго кричала у своего гнезда. И от этого крика у Аниски всю дорогу острой болью болела душа.

Домой Аниска пришла как раз к обеду. Мать, увидев её, всплеснула руками:

– Ох, на кого ж ты похожа? И где это тебя угораздило?

– А руки-то все в смоле! – подхватила Лиза. – И платье разорвано! А в фартуке что?

Аниска посмотрела на мать, на Лизу, на свои чёрные от смолы руки, на порванное платье с мокрым подолом... И вдруг, заглянув в фартук, бегом бросилась из избы.

– Совсем рехнулась, – сказала Лиза.

Мать только вздохнула. Ну что ей делать с этой горе-головушкой Аниской?

Аниска прибежала к Тумановым. Светлана стояла перед зеркалом и завязывала синий бант в косе. Она увидела Аниску в зеркало:

– Фу, какая... испачканная!

Но Аниска схватила своей чёрной от смолы рукой тонкую руку Светланы и прошептала:

– Я тебе ронжу нашла! Я из гнезда достала! Теперь ты будешь со мной дружиться?

Светлана встrepенулась:

– Правда? Где она, покажи скорей!

Аниска раскрыла фартук. Испуганный птенец сидел съёжившись и ни на кого не глядел.

– Это и есть ронжа? – протянула Светлана. – Ну что же в ней хорошего?

– Да ведь это ещё детка! – сказала Аниска задрожавшим голосом. – У него красные крылья потом вырастут! Ты увидишь, какой он красивый будет! Он скоро вырастет!

Аниска говорила, стараясь убедить Светлану, но уже чувствовала, что всё это напрасно. Светлане не понравилась ронжа.

– Я не виновата... – пробурчала наконец Аниска. – Если бы большую ронжу можно было поймать – я бы поймала. Ну ведь эта тоже красивая будет!

Светлана засмеялась. Но обернувшись к ней, увидела её жалкие косые глаза и вдруг обняла за плечи.

– Да ну ладно! Ронжа-ронжа! А на что она мне? Пойдём к нам в огород, горошку поедим. Я ведь сказала, что буду с тобой дружить – значит, буду!

И, схватив Аниску за руку, потащила её в огород.

– Подожди! – ответила сразу утешенная Аниска. – Я сейчас. Птенчика в лукошко посажу. А завтра отнесу обратно, на ёлку. Пусть его мать выкормит!

15. Гуси-лебеди

Так и прошло лето – с дождями и солнцем, с грозами и алым сиянием зорь...

Аниска не заметила, как дни полетели один за другим вместе с золотой осенней листвой.

Дружила или нет с ней Светлана? Трудно было Аниске понять. Нынче дружила, а завтра обижала. Правда, Аниска никогда не говорила о своих обидах, хотя эти обиды каждый раз всё тяжелей ложились ей на сердце. Но стоило Светлане кликнуть её, Аниска бежала к ней полная радости.

В этот ясный осенний день Светлана позвала Аниску к старой, поваленной бурей рябине:

– Пойдём на рябине покачаемся!

Девочки взобрались на большой сук, тихонько покачивались и смеялись – им казалось, что они птицы.

– Давай петь! – сказала Светлана. И запела тоненьким голоском:

– Жили у бабуси

Два весёлых гуся —

Один серый, другой белый,

Два весёлых гуся!

Аниска стала ей подтягивать. Но голос у неё был неверный, и песня не получалась, только получалось очень смешно – кто в лес, кто по дрова.

Посмеявшись, они снова запели. И снова рассмеялись.

– Ой, падаю! – вдруг закричала Аниска. И свалилась в мягкую рябиновую листву.

Хохот поднялся ещё громче. Аниска думала, что сейчас умрёт от смеха, и она никак не могла встать и вылезти из рябиновых веток.

А Светлана наверху смеялась, повизгивала и сквозь смех кричала:

– Ой, и я сейчас! Ой, и я сейчас!..

В разгар этого веселья неожиданно явился белобрысый Прошка. Он подошёл и сказал басом:

– Светлана! Эй!

– Что тебе ещё? – крикнула Светлана.

– Иди. Бабушка домой велела.

– Ну вот ещё! Зачем такое?

Аниска выбралась из листвы и помогла Светлане слезть с ветки.

– Сейчас сбегает и опять придёт, ладно? – сказала Светлана. – Ты, пожалуйста, не уходи домой, ты со мной!..

Девочки побежали. Ещё издали Аниска увидела во дворе у Тумановых какую-то женщину в белой кофточке. Она приостановилась и неизвестно почему встревожилась.

– А у вас кто-то...

– Где?

– А вон... У калитки с бабушкой стоят...

Светлана пригляделась. И вдруг взвизгнула, бросила Анискину руку и припустилась к дому.

– Мама! Мамочка приехала!

Аниска не знала, что же ей делать теперь? Бежать за Светланой? А Светлана уже и забыла про неё. Она повисла на шее у своей мамы, целовала её, что-то быстро рассказывала...

Потом все пошли в избу – бабушка, мама, Светлана... Но тут Светлана вспомнила про Аниску.

– Что же ты стоишь? Иди сюда! Сейчас вещи собирать будем – я уезжаю!

Аниска медленно подошла к Светлане, у неё ноги почему-то стали очень тяжёлыми.

– Да не бойся, иди! – нетерпеливо кричала Светлана. – Я уж маме рассказала, что ты мне ронжу принесла! А знаешь, она мне новую игру купила!..

Быстрые Светланины слова кружились где-то возле уха, как летняя мошкара. А в сознании осталось только одно:

«Уезжает»...

Аниска вошла вслед за Светланой в избу. Бабушка Туманова торопливо собирала на стол. Светланина мама – вся какая-то чистенькая, беленькая, приглаженная – укладывала в чемодан знакомые платья: красное тоненькое, в котором Светлана появилась впервые, розовое в полоску, вышитый фартучек, испачканный малиной...

– Уезжаешь...

– Ну да! Уезжаю! Ведь первое сентября скоро! А у мамы сегодня выходной – вот она за мной и приехала. Сейчас лошадь запрягут – мама наняла в колхозе лошадь! И папа пишет из командировки, что скоро домой приедет. А потом, у нас комнату в Москве новыми обоями оклеили... Сейчас пообедаем и поедем!

Аниска неподвижными глазами смотрела на Светлану и ничего не говорила. Светлана даже обиделась немножко.

– А тебе даже всё равно, что я уезжаю!

Но, взглянув на Аниску, примолкла, словно поняла, что большое горе слов не имеет.

Светлане стало неприятно. Анискина тоска мешала её радостному настроению. И она с нетерпением обратилась к матери:

– Мама, ну когда же мы поедем?!

– Всё готово, – ответила мама, – пообедаем и поедем.

Мама закрыла чемодан, вымыла свои белые руки.

– Девочки, за стол! Живо-живо!

Аниску рядом со Светланой усадили за стол. Мама привезла из Москвы колбасы – поджаренная с яйцами, она пахла остро и горячо. Аниска молча съела кусочек, но не почувствовала вкуса.

Светланина бабушка внимательно поглядела на Аниску.

– Ты что это уж очень загоревала-то? Полно, полно. Стоит того!

Аниска не отвечала, но глаза её налились слезами.

– Да и не стоит, – продолжала бабушка, – наша-то барышня про тебя тотчас забудет. Только за порог!

– Нет, – глухо, но твёрдо возразила Аниска и вскинула на Светлану блестящие от слёз глаза.

Она ждала, она требовала, чтобы Светлана немедленно вмешалась и сказала бы, что это не так, что это бабушка так думает, а Светлана никогда не забудет Аниску, что ей никак нельзя забыть Аниску.

Но Светлана, увидев этот взгляд, чуть-чуть сморщила свой защипнутый носик и нетерпеливо заболтала ногой.

– Ну, что вы всё... Забудет – не забудет!

– Не болтай ногами, – сказала мама, – ешь. – А потом повернулась к Аниске, положила ей на голову свою белую тёплую руку и заглянула в лицо. – Ты что так расстроилась, девочка? Ведь и горя-то никакого нет. На будущий год Светлана опять приедет. Ну, давай-ка улыбнёмся!

Но Аниска не могла улыбнуться. Она хмурилась и сжимала губы, стараясь удержаться и не заплакать.

– И ты не сердись на Светлану, – продолжала Светланина мама, – ведь она городская. Ведь там её дом. А здесь она чужая всё-таки. И не обижайся, ладно? Ведь каждому домой хочется!.. И тебе хотелось бы, ведь правда?

Тут за окном послышались голоса девчонок. Светлана живо выскочила из-за стола и подбежала к окну.

– Ой как хорошо! – весело закричала она. – Девочки меня проводить пришли!

Аниска молча сползла с лавки и пошла из избы.

Вскоре вышли на улицу и Светлана, и её мама, и бабушка. Ребятишки уже глазели у ворот, шныряли возле лошади – интересно же посмотреть, какая у Светланы мать, и какой у них чемодан, и как они будут прощаться...

Катя, Верка и Танюшка окружили Светлану. Светлана обнимала их по очереди. Она очень любила их всех в эту минуту.

– До свиданья, до свиданья! – повторяла она, и в голубеньких глазках её бегали слезинки. – Я всё время буду вас вспоминать.

А когда чемодан уже поставили в телегу, она вдруг оглянулась:

– А где же Аниса?

Катя молча отвела глаза и стала глядеть куда-то в сторону. Она всегда так делала, когда должна была сказать что-то неприятное человеку и не хотела сказать. Но зато Верка и Танюшка тотчас всё объяснили.

– Она от вас как вышла, так и ушла, – торопилась Танюшка, – прямо будто её выгнали!

– А мы кричим, куда же ты? А провожать-то? – перебила Верка. – А она...

– А она губы зажала, и ничего!

Светлана обиженно обернулась к бабушке:

– Вот видишь, бабушка! А ты всё на меня. – И сердито добавила, влезая в тележку: – Я тебе говорила, что она чудная!

Бабушка покачала головой и ничего не ответила. Зато мама нахмурилась.

– А мне вот кажется, что это ты у меня чудная, – резко сказала она, – ничего не понимаешь! Слепая и глухая, вот ты какая у меня. И это очень грустно.

Ребятишки проводили подводу до околицы и вернулись. Верка и Танюшка пошли дальше до той канавки, которая отграничивает их поля от полей соседнего колхоза. Там лошадь прибавила шагу. Светлана в последний раз махнула рукой, и встопорщенные придорожные ёлочки заслонили от неё Зелёные Горки.

Светлана вытащила платочек и заплакала.

– Ах, вот как, – сказала мама, – а я уж подумала, что ты у меня совсем равнодушный человек!

Светлана отняла платочек от лица.

– Но, мама! – В голосе её слышалась обида. – У тебя всё время я в чём-то виновата. И всё из-за Аниски.

– А разве ты не видела, как эта девочка тебя любила!

Светлана пожала узенькими плечиками:

– А всё-таки почему я виновата? Я ведь не просила её меня так любить!

Мама ничего не ответила. Она не знала, что ответить на это своей рассудительной дочке.

Светлане скоро надоело молчать.

– Мама, а Шура Селиверстова приехала?

– Приехала. Приходила, спрашивала про тебя.

– А Лена из двадцатой квартиры?

– Не знаю. Но сегодня или завтра должна приехать – ведь через два дня в школу!..

– Мамочка, а платье-то как же, коричневое? Не готово ещё?

– Ну, как не готово! Уже и воротничок пришит!

– Ой, мамуля!

Светлана бросилась целовать маму и чуть не свалилась с телеги.

Лошадка бежала дробной весёлой рысью. Тихие, примолкшие леса отходили назад, отступали всё дальше от шоссе-ной дороги. Новые посёлки возникали на пути, огороды, поля... Вот вдали показались круглые, как макароны, трубы стекольного завода... А за этим заводом уже будет и станция видна, а там – поезд, Москва, подруги, школа!..

А Зелёные Горки остались где-то далеко-далеко. Может, они просто во сне приснились. * * *

Аниска стояла на высоком бугорке в густом ельнике и смотрела на дорогу. Она видела, как девочки провожали Светлану. Видела, как Светлана помахала им рукой. И ещё долго видела удалявшуюся подводу.

А потом спустилась с бугорка и медленно пошла домой. Она шла через поля, сжатые, убранные, по-осеннему пустые. Заблестел сквозь ветлы полевой прудок. Летом среди ржи его совсем не было видно, а сейчас он как будто налит на блюдечко. И может, оттого, что было пусто кругом, что не шумели колосья, не пели жаворонки – этот прудок показался Аниске притихшим и запечаленным.

Аниске не хотелось идти в деревню. Она встала у пруда и прислонилась к ветле. Что-то случилось с её сердцем, что-то как будто сломалось в нём. Светлана уехала – вот ещё следы колёс видны на дороге... За что было Аниске так любить её? Но так уж устроен человек – любит и сам не знает за что. И даже когда поймёт, что напрасно, то и тогда всё ещё любит, хотя и не ждёт ничего.

Аниска стояла в пустом поле, у тёмного неподвижного пруда, и ей казалось, что она сейчас совсем одна на всей земле...

Что-то зашумело в небе, лёгким шелестом зашумело над головой.

Аниска посмотрела вверх – над нею летела стая диких гусей. Они летели вереницей и тихонько покрикивали. Если бы Аниска могла обернуться сейчас же птицей! Как бы весело, как бы радостно было лететь вместе с ними в этой дружной большой стае, вместе со всеми радоваться утреннему солнцу! Аниска была бы такая же, как все, – хорошая, добрая, весёлая! И никто бы не называл её Косулей!

И вдруг тоска, словно костёр, охватила Аниску. Она выбежала на открытое поле, подняла руки к улетающей стае и закричала:

– Гуси-лебеди! Бросьте мне по пёрышку! Бросьте, бросьте мне по пёрышку!

Но гуси-лебеди, всё так же медленно взмахивая крыльями, улетали всё дальше и дальше... Всё глуше и глуше становился в небе негромкий птичий разговор... Вот уж и пролетели над полем. А вот и совсем растаяли в холодной небесной синеве...

Тихо стало кругом. Только жёсткая осока шуршала под ветром да сизая верба роняла узкие листья в неподвижную тёмную воду.

Аниска, понурив голову, брела по стерне.

Чей-то тонкий голос доносился к ней с дальнего края поля, кто-то кричал, звал, аукал... Кто кричит? Кого зовут? Аниска не прислушивалась – её звать никто не станет.

– Анис-ка-а! Ау-у!

Аниска остановилась. По полю мелькало пёстрое платье – это Катя бежит, это её пёстрое платье и пушистая, как одуванчик, голова...

– Куда она, – прошептала Аниска, – зачем?

Катя бежала к ней.

– Ну, чего ты! – накинулась на неё Катя, еле переводя дух. – Кричу, кричу! Глухая ты, что ли?

Аниска молча глядела на неё широкими затуманенными глазами.

– Пойдём. Чего одна тут ходишь? Тебя ищут, а ты ходишь тут!

– Кто ищет?

– Анна Дмитриевна пришла. Велела всем завтра в школу. Будет беседу с нами проводить.

– Со мной-то беседу проводить не будет. Чего ей со мной-то?

– А вот и будет. Сама сказала. Всех пионеров соберём, говорит, и всех, кто ещё не пионер. Принимать будем скоро, на Октябрьскую, говорит. Вот.

Аниска незаметно вздохнула:

– Меня-то принимать не будут.

Катя рассердилась:

– Не знаешь ничего. Бегаешь тут и не знаешь ничего. Танюшка только начала было: «А наша Аниска драчунья – как же её принимать?» А Анна Дмитриевна: «Надо же разобраться – почему драчунья? А может, она дерётся потому, что беззащитного защищает?» Так и сказала. Вот.

Аниска внимательно посмотрела на Катю. Правду говорит? Придумывает?

Но Катя не стала больше разговаривать. Она подала Аниске руку и повела за собой. И рука у Кати была крепкая и тёплая, какую всегда бывает рука друга.